

ЗА КУЛИСАМИ.

(Встрѣчи и воспоминанія).

Александринскій театръ.

(1875—1900).

НЕ ТОЛЬКО любилъ этотъ театръ, былъ его посѣтителемъ съ семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, но имѣлъ честь самъ быть принятымъ въ составъ труппы его артистовъ и прослужить тамъ около года.

Это меня особенно сблизило не только съ семьей актеровъ, но и съ драматургами, ставившими тамъ свои пьесы, и съ лицами, принадлежавшими къ театральной администраціи, и съ театрами быстро промелькнувшаго времени. Въ тѣ времена попасть въ труппу императорскаго театра было не легко, каждый провинціальный актеръ считалъ это за счастье, за торжество своей сценической дѣятельности.

Большіе, выдающіеся таланты считали Александринскій театръ въ нѣкоторомъ родѣ академіей и желали въ него попасть. Ограниченный бюджетъ дирекціи императорскихъ театровъ того времени и чиновничья протекція затрудняли осуществленіе этихъ надеждъ русскаго актера. Проскользнуть начинающему актеру, претендующему на выходныя роли, на шестьсотъ рублей въ годъ, какъ мнѣ, напримѣръ, это было легче. На каждое новое лицо, мечтавшее занять положеніе въ Александринскомъ театрѣ, часть актеровъ смотрѣла недружелюбно, а на

чальство, потакавшее этимъ актерамъ, далеко не было гостеприимнымъ по отношенію новыхъ людей.

Чувствовалась какая-то замкнутость, театръ обнесли какими-то непроницаемыми стѣнами, сквозь которыя проникали немногіе.

Наша гордость М. Г. Савина попала въ труппу почти случайно; первенствовавшая тогда Е. П. Струйская, особенно склонная къ творчеству моднаго В. Дьяченка, завладѣла репертуаромъ. Г-жа Струйская являлась полезностью, справедливо считалась добросовѣстной актрисой, но критика постоянно указывала, что нужны новыя свѣжія силы.

Талантъ Савиной я сравниваю съ весеннимъ, теплымъ радостнымъ солнцемъ, заглянувшимъ въ Александринскій театръ.

Повѣяло жизнью, весна пришла. На нашей улицѣ праздникъ! могло воскликнуть русское искусство.

Это чувствовали и всѣ актеры, которые, какъ я говорилъ, чуждалась пришельцевъ провинціи. Всемогуцій въ тѣ дни Александръ Александровичъ Нильскій, который оберегалъ свое положеніе, забронированное дружбой или, вѣрнѣе, симпатіями начальника репертуара, водевилиста, Павла Степановича Федорова, творившаго на сценѣ что угодно, привѣтствовалъ Савину. Сазоновъ, Монаховъ и др. угадали, что идетъ что-то новое, яркое, непосредственное, на смѣну рутинѣ и обыденщинѣ.

Хоромъ заговорили о Савиной, а печать, къ чести ея, въ набатъ ударила.

Въ продажѣ появились первыя фотографическія карточки М. Г. Савиной и почти не было дома, гдѣ бы не носились съ ними, не показывали ихъ. Петербургъ кричалъ о новой артисткѣ. Имя ея начали сопоставлять съ именами Самойлова, Павла Васильева, Жулевой, забывая работоспособную, но скучную и однообразную Е. П. Струйскую.

Я считаю, что съ поступленіемъ на петербургскую сцену Савиной началось, хотя и медленное сначала, возрожденіе русскаго театра въ Петербургѣ.

Выросъ интересъ къ нему.

А вѣдь этотъ огромный талантъ, какъ, вѣроятно, согласится со мной современники, могъ еще долго скитаться по провинціи, переживая свою дорогую молодость.

Грѣшно упускать талантъ именно во дни его молодости, когда онъ распускается. Больше, чѣмъ ошибка,—преступленіе со стороны театральнаго начальства приглашать выдающихся сценическихъ дѣятелей, когда молодость уходитъ. Примѣровъ тому я могъ бы насчитать не мало. Приведу одинъ.

Пріѣхалъ въ Петербургъ и какимъ-то чудомъ получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ Ѳ. П. Горевъ. Выступилъ онъ въ «Мишурѣ» Алексѣя Потѣхина, по тѣмъ временамъ, очень смѣлой, чуть ли не опасной пьесѣ, совсѣмъ наивной по нашему времени.

Горевъ игралъ забитаго чиновника, кажется, Зайчикова, придавленнаго начальствомъ, прямого, порядочнаго, протестующаго человѣка.

Молодой, красивый, обладавшій богатымъ темпераментомъ, Горевъ игралъ увлекательно и скоро стеръ бы «перваго любовника» Гильскаго.

Успѣхъ былъ огромный. Тѣмъ не менѣе Горевъ возвратился обратно въ провинцію или игралъ въ окрестностяхъ столицы и попалъ на сцену Александринскаго театра спустя нѣсколько лѣтъ, потерявъ неизвѣстно почему лучшее время.

Въ этомъ сказывалась непрошкновенность, тупость театральной бюрократіи, которая не умѣла, не могла подмѣтить талантъ, а требовала непременно патенты на званіе извѣстности, имя въ провинціи. Имена приобрѣтаются временемъ, частныхъ театровъ въ столицѣ еще не было, провинціальное актерство показывало себя на клубныхъ сценахъ, которыя сыграли огромную роль въ исторіи развитія петербургскаго театра, и объ нихъ я когда-нибудь поговорю, онѣ стоятъ того.

Гдѣ же блеснулъ талантъ Савиной, какъ не въ Благородномъ собраніи?

Съ триумфальнымъ шествіемъ Савиной утверждается на сценѣ другой репертуаръ, Дьяченко постепенно смѣняютъ В. А. Крыловъ, Н. А. Потѣхинъ и другіе; Островскій поручаетъ роли М. Г. Савиной, ставятъ Тургенева.

О Крыловѣ (В. Александровѣ) хочется сказать тутъ же. Ему пощадасть, и покойному уже, отъ современной критки: и пустоту онъ вносилъ въ русскій театръ, и пошлятину, и воспитывалъ на пустякахъ русское актерство и т. д.

Защитать я Крылова не собираюсь, но для исторической точности долженъ высказать слѣдующее: драматургія переживала тогда суровый цензурный режимъ, малѣйшее отступленіе отъ цензурныхъ рамокъ влекло запрещеніе пьесъ, литературныя произведенія часто не проникали къ рамкѣ, и вотъ эта-то удущившая атмосфера, плюсъ вся дребедень, въ видѣ переводныхъ мелодрамъ, фарсовъ и даже оперетокъ, которыми питался репертуаръ Александринскаго театра, такъ уронили «образцовую» сцену, изрѣдка получавшую художественныя созданія Островскаго и двухъ-трехъ литераторовъ, что все новое встрѣчали сочувственно.

Крыловъ умѣлъ распознавать таланты и, выражаясь языкомъ рецензентовъ, по мѣркѣ этихъ талантовъ кроилъ роли. Онъ использовалъ умѣло талантъ Савиной, которая его пустячки превращала своей игрой въ шедевры.

Но только ли Крыловъ писалъ бездѣлки? Нѣтъ, у него были пьесы, въ которыхъ онъ старался захватывать общественныя явле-

шія. Вспомните «Змѣя Горыныча», гдѣ фигурировало земское собраніе и земскіе дѣльцы. Глубоко это или мелко захвачено—другое дѣло, но попытка слѣдовать за жизнью у Крылова встрѣчалась. Это былъ драматургъ переходнаго времени, не художникъ, но знатокъ сцены. Художниковъ слова на сценѣ вообще было мало, но у Крылова есть своя, неотъемлемая заслуга: его успѣхъ, пускай дешевый успѣхъ, не давалъ покоя многимъ и многихъ понуждалъ приниматься за работу...

Крыловъ, какъ драматургъ, былъ сыномъ переживаемой эпохи, когда русскую мысль сдерживала цензура, когда были лишь цвѣтушіе оазисы, въ видѣ пьесъ Островскаго, когда Алексѣй Потѣхинъ считался опасно-тенденціознымъ писателемъ. Мудрено ли, что сцена пробавлялась нивными анекдотами. Время постепенно выдвигало другіе интересы, серьезные вопросы, требовало простора слова, и пустячки сами собою сдавались въ театральнѣй, запыленный архивъ.

Теперь это исторія, отжитая исторія.

Николай Потѣхинъ въ пьесахъ той же эпохи недалеко ушелъ отъ Крылова и далеко ушелъ отъ своихъ первыхъ произведеній. Онъ ловко громоздилъ эффекты на эффекты, создавалъ выигрышные роли и мало говорилъ уму. Треску хоть отбавляй!

Хуже были времена, благодаря утвердившейся старой системѣ бенефисовъ и предоставленному праву бенефициантамъ самимъ выбирать пьесы. Что только не тащили на сцену, какіе опыты драматурговъ диллетантовъ не разыгрывали! Ужасъ!

Кому была вручена роль руководителей репертуара отечественной сцены?

Посчитаешь всѣ эти условія и придешь къ заключенію, что во многомъ виноваты только они, виновато общее направленіе дѣла и жизни. Талантъ Савиной пережилъ все это, вынесъ на своихъ плечахъ. Тяжело имъ было.

Въ театрѣ ходили посмѣяться, развлечься, насладиться игрой любимыхъ артистовъ національной «академіи», стоявшей на очень низкой высотѣ. Праздники сцены были рѣдкими. Пьесу Островскаго ежегодно ожидали, какъ радость необыкновенную.

Замѣчу вскользь, что А. Н. Островскій, питавшій особенно мягкую дружбу къ О. А. Бурдину, актеру весьма посредственному, въ ущербъ себѣ, назначалъ ему главныя роли. Бурдинъ, случалось, всю обѣдню ему портилъ.

— Я думалъ, Федя будетъ хороше, а онъ слабѣе, чѣмъ я ожидалъ... а не дать роли нельзя было... Федя такъ близко къ сердцу мои интересы принимаетъ!—говаривалъ Александръ Николаевичъ, поглаживая бороду.

Первыя пьесы Д. В. Аверкіева пользовались огромнымъ успѣхомъ, но постепенно тоже сходили съ репертуара, новѣйшія его

произведенія («Сидоркино дѣло», «Трогирскій воевода») принимались публикой равнодушно. Но, право, къ Аверкиеву тогда относились предвзято, считаясь съ его политической физиономіей. Это былъ драматургъ болѣе крупный, нежели очень многіе изъ его коллегъ.

Возвращаясь къ тѣмъ, съ кѣмъ я встрѣчался за кулисами, о комъ хорошо помню.

Я засталъ Василия Васильевича Самойлова и даже удостоился чести играть съ нимъ въ «Старомъ барниѣ» Пальма.

На репетиціи онъ держался гордо, его окружала лесть, его по-баивались и режиссеры и актеры, не всѣ, конечно. Отъ Самойлова вѣяло холодомъ, онъ раздражался, дѣлалъ рѣзкія замѣчанія. Болтая въ уборной во время репетиціи, онъ глядѣлъ прощѣ, но не прочь былъ зло подсмѣяться надъ актерами, которыхъ считалъ удобными для этого. Я отлично помню, какъ онъ подтрунивалъ надъ старымъ актеромъ А. А. Алексѣевымъ, необыкновенно живымъ подвижнымъ человѣкомъ и комикомъ въ жизни.

Высмѣивалъ онъ Павла Степановича Федорова, вспоминая о слабостяхъ бывшаго начальника. Презрѣніе звучало въ этихъ насмѣшкахъ. Сознаніе собственной большой величины чувствовалось въ Самойловѣ и не покидало его.

Заслужить одобреніе отъ Василия Васильевича было трудно, а кто заслуживалъ его, тотъ подчеркивалъ этотъ фактъ.

— Самойловъ одобрялъ! — приходилось слышать потомъ даже отъ тѣхъ, кого онъ пикогда не одобрялъ. Словно намекали на какой-то дипломъ, требующій уваженія.

— Поставьте ей барьеръ, а то она выскочитъ въ оркестръ! — сказалъ Самойловъ про какую-то измучившую его на репетиціи актрису. Сказалъ въ присутствіи ея самой.

— Откуда вы взяли такого молодого человѣка! — горячился онъ.

— Когда у насъ будетъ режиссеръ! — говаривалъ громко Самойловъ.

Случалось, — правда, рѣдко, — видѣть Василия Васильевича и благодушно настроеннымъ, со всѣми, и съ маленькими, любезно болтавшимъ за кулисами.

Самойлова даже не столько боялись, сколько почитали, какъ великаго художника. Въ тѣ времена въ театральномъ мірѣ вообще царило почтеніе и уваженіе къ старикамъ, молодежь прислушивалась къ ихъ голосу.

Шынѣшнихъ фактовъ, когда на сцену врывается молокососъ, сомнительной способности актеръ, именуется режиссеромъ и начинаетъ съ наглостью и нахальствомъ всѣхъ поучать, не случалось.

Такого быстро бы спровадили и высмѣяли. Да и театральное начальство не подвергло бы себя риску. Въ труппѣ Александринскаго театра было больше единенія.

Про В. В. Самойлова, въ свою очередь, рассказывали курьезы. Н. О. Сазоновъ, о которомъ я буду много говорить, въ молодости жилъ въ домѣ Самойлова,

— Не уступалъ онъ мнѣ квартиры, — смѣялся Сазоновъ: — ни за что! Приставалъ я, все напрасно! Игралъ я какъ-то съ Самойловымъ въ «Ришелье», — произнесъ свои слова и наступила пауза.

— Василий Васильевичъ, уступите квартиру-то! — шепнулъ я ему.

— Уступаю! — отвѣчалъ, также шопотомъ, озадаченный Ришелье.

Обратился однажды къ Самойлову за кулисами актеръ, очень слабо игравшій роли молодыхъ людей и слывшій за челоуѣка со-всѣмъ ограниченного.

— Василий Васильевичъ...

— Ну что?

— Не накидаете ли мнѣ на бумажку типикъ, какъ мнѣ загримироваться въ роли графа.

Самойловъ махнулъ рукой, а когда актеръ вышелъ, онъ произнесъ:

— Я животныхъ плохо рисую.

Режиссеръ А. А. Яблочкинъ сильно картавилъ на сценѣ. Въ какой-то пьесѣ представленъ былъ громъ, гремѣвшій очень тихо въ этотъ вечеръ.

— Что это трещало? — спросилъ, выйдя за кулисы, Самойловъ.

— Громъ, Василий Васильевичъ... Громъ по пьесѣ.

— Ну, да, а у насъ вмѣсто него будто Яблочкинъ картавилъ.

— Говорятъ, Василий Васильевичъ, оперетку у насъ въ Александринскомъ театрѣ собираются упразднить! — обратился къ нему толстый актеръ Бродниковъ, передававшій мнѣ это самъ.

— Напрасно.

— Вы противъ?

— Я былъ увѣренъ, что упразднятъ драму.

Видѣлъ я Самойлова въ «Ришелье», въ «Старомъ баринѣ», въ «Карьерѣ» (игралъ въ Художественномъ клубѣ), въ «Мужья одолѣли», въ «Старое старится» и другихъ пьесахъ. Вездѣ было другое лицо, нигдѣ не повторялся Самойловъ. Полное перерождение. По художественности гримировки другого такого актера я не помню, онъ стоялъ выше всѣхъ, выше Шумскаго, пріѣзжавшаго на гастроли изъ Москвы. Уйдя со сцены, Самойловъ, играя на частныхъ клубныхъ сценахъ, иногда въ залѣ Кононова, будировалъ и, конечно, при всякомъ удобномъ случаѣ вышучивалъ театральное начальство.

На частныхъ сценахъ Самойловъ тогда получалъ по двѣсти рублей за спектакль, и это считалось чѣмъ-то исключительнымъ.

Устроители спектаклей должны были уговаривать Самойлова, упрашивать играть, и очень многимъ не удавалось его склонить. Побѣждали его въ этомъ отношеніи больше дамы да В. Н. Аристовъ,

извѣстный славянскій дѣятель и душа покойнаго Художественнаго клуба, помѣщавшагося въ Троицкой улицѣ, въ нынѣшнемъ залѣ Павловой. Напримѣръ, онъ часто участвовалъ въ спектакляхъ Д. В. Бѣлокопытовой, вышедшей потомъ замужъ за А. Ф. Сазонова, писавшаго театральныя замѣтки.

Я упомянулъ актера Александра Алексѣевича Алексѣева, дочь котораго Е. А. Алексѣева въ настоящее время состоитъ въ труппѣ Александринскаго театра и въ свое время была милой актрисой на роли наивныхъ дѣвушекъ.

Александръ Алексѣевичъ зналъ весь Петербургъ и его всѣ знали. Игралъ онъ все, и драму, и водевилъ, рѣдко прибѣгая къ гриму. Алексѣевъ вѣчно нуждался и былъ въ долгу, ведя продолжительныя войны съ кредиторами.

Разовая система вознагражденія дирекціей актеровъ, при его подвижности и умѣнии выпрашивать роли, дѣлала то, что онъ игралъ по три раза въ вечеръ съ переѣздами изъ Малаго театра (тогда казеннаго) въ Александринскій, изъ Александринскаго въ Маріинскій, гдѣ шли драматическіе спектакли раза два-три въ недѣлю.

Алексѣевъ имѣлъ привычку постоянно произносить «тьфу», точно ему попало что въ ротъ. Распустили слухъ, что онъ проглотилъ волосокъ отъ енотовой шубы и съ тѣхъ поръ ему все кажется, что волосокъ во рту, и онъ отплевывается. Онъ говорилъ быстро, суфлера слышалъ неважно и репликъ окружавшимъ его на сценѣ не давалъ почти, предупреждая по навыку вопросы игравшихъ съ нимъ. Напримѣръ. Игралъ онъ со мной дядюшку въ какомъ-то старомъ водевилѣ.

Вбѣгаетъ на сцену. Я долженъ сказать, что хочу жениться. Не тутъ-то было.

— Здравствуй, дорогой племянникъ... тьфу, тьфу! я знаю, что ты мнѣ хочешь сказать... тьфу, тьфу... ты собираешься жениться! ну, да благословить васъ Богъ.

— Александръ Алексѣевичъ,—говорю я ему за кулисами:— вы мнѣ не дали говорить!

— Ничего, голубчикъ, не подѣлаешь, тороплюсь въ Маріинскій театръ... я даже бороды не наклеивалъ.

Случалось такъ, что помощникъ режиссера, видя, что антрактъ затягивается, а Алексѣевъ все не ѣдетъ, но будучи увѣренъ въ немъ, поднималъ занавѣсъ.

И дѣйствительно, къ выходу Александръ Алексѣевичъ поспѣвалъ.

Онъ сбрасывалъ въ уборной шубу и летѣлъ на сцену, начиная обыкновенно говорить за кулисами, чтобы слышали его голосъ. Грима никакого.

— Одна натура!—опредѣлили И. Ѳ. Горбуновъ, съ которымъ мы вспоминали объ Алексѣевѣ.

Алексѣевъ въ теченіе своей долготѣтней службы постоянно хлопоталъ о томъ, какую пьесу поставить въ бенефисъ. Хлопоты начинались за годъ... Сегодня прошелъ его бенефисъ, а завтра онъ думаетъ о бенефисѣ слѣдующаго года.

Кого бы изъ драматурговъ Александръ Алексѣевичъ ни встрѣтилъ, непременно попросить пьесу для бенефиса.

— Есть у васъ, голубчикъ, что-нибудь?

— Задумалъ кое-что... Пока въ зародышѣ только!—отвѣчалъ драматургъ.

— Да это все равно, времени много... дайте названіе, чтобы я могъ бы завтра же заявить объ этой пьесѣ у насъ въ театрѣ.

Драматурга онъ, бывало, обнадежить, а потомъ самъ объ этомъ забудетъ и просить пьесу у другого. Алексѣевъ раскапывалъ въ Петербургѣ новичковъ-писателей, многихъ совращалъ на литературное поприще, и всѣмъ говорилъ:

— Пишите, я поставлю въ бенефисъ.

Помню, какъ просилъ онъ переводныхъ пьесъ, оригинальныхъ, добавляя при этомъ:

— Понимаете, мнѣ важно, если она будетъ имѣть успѣхъ и часто пойдетъ, я разовыми заработаю еще много. Кромѣ того, необходимо водевилъ съ ролью для меня. Водевилъ всюду пристегиваютъ, и я на немъ наберу разовыя. Водевилъ нуженъ хорошій, за вознагражденіемъ не постою. Дамъ 25 рублей отъ себя лично и 25 рублей заплатитъ дирекція.

Актеры старались, въ силу разовой системы вознагражденія, процвѣтавшей тогда, нахватать больше ролей, а какихъ—безразлично.

А. А. Алексѣевъ, воюя съ кредиторами, ухитрялся занимать деньги подъ бенефисы заблаговременно. Нерѣдко продавалъ бенефисы, неся огромные убытки.

— Хорошо ты вчера, Саша, заработалъ!—говорили ему за кулисами.—Хватилъ здоровый бенефисъ.

— Да вѣдь кабы онъ мой былъ,.. тьфу, тьфу... а вѣдь я полгода назадъ его продалъ... Вотъ только отъ пріятелей нѣсколько призовъ получилъ... тьфу, тьфу...

Въ позднѣйшіе годы А. А. Алексѣевъ, котораго лишили бенефиса, которому умалили несправедливо содержаніе, предпочелъ, будучи пенсионеромъ, конечно, уйти въ провинцію или въ Москву на частную сцену, разставшись съ Петербургомъ, гдѣ проведена была вся жизнь, съ которымъ связана вся сценическая дѣятельность.

Алексѣевъ перенесъ это поразительно легко, и старикъ, разставшись съ близкой ему товарищеской семьей Александринскаго

театра, перебрался въ Москву, вступивъ въ труппу М. В. Лентовскаго.

Я видѣлся съ Алексѣевымъ въ Москвѣ, гдѣ онъ, несмотря на маститые годы, несмотря на нужду, съ которой онъ сроднился, смотрѣлъ жизнерадостнымъ, хотя иной разъ и жаловался на такой плачевный конецъ жизни. Алексѣевъ вспоминалъ тѣ милости, то драгоценное вниманіе, которымъ онъ пользовался отъ высочайшихъ особъ въ началѣ своей карьеры.

Если бы меня спросили, какой былъ актеръ А. А. Алексѣевъ, я бы отвѣтилъ, что онъ былъ живой, даровитый водевильный актеръ. Водевиль отжилъ свое время, но въ прежнее время это было любимое блюдо публики въ меню Александринскаго театра.

Одно время А. А. Алексѣевъ взялъ на себя постановку русскихъ спектаклей въ такъ называемомъ Нѣмецкомъ клубѣ, надѣясь на поддержку товарищей по казенной сценѣ. Его поддерживали актеры, но попытка Алексѣева не увѣнчалась успѣхомъ.

Энергія старика всегда меня поражала, онъ не переставалъ мечтать объ арендѣ театровъ, объ антрепризѣ и связанныхъ съ нею богатствахъ.

Однажды меня представили видному по внѣшности, изысканно, франтовато одѣтому актеру Александринскаго театра Пронскому, котораго за кулисами считали изобразителемъ баръ и аристократовъ. Это было до моего поступленія за кулисы.

Пронскій изображалъ чаще «благородныхъ отцовъ» въ комедіи и драмѣ.

Слабость его къ разнообразію въ костюмахъ была предметомъ актерскаго глумленія.

— Первый у насъ актеръ... говорили про него.

— По таланту?

— Нѣтъ, по разнообразію панталонъ! Что ни актъ, то новыя панталонны, и съ искрой, и съ полоской, и свѣтлыя, и темныя. Выставка!

Пронскій былъ холоднымъ актеромъ, «резонеромъ» въ полномъ смыслѣ слова. Обѣщалъ онъ много, но надеждъ театраловъ не оправдалъ.

Популярнымъ и среди товарищей и у публики, преимущественно верхнихъ ярусовъ Александринскаго театра, былъ Д. Н. Озеровъ, считавшійся комикомъ для оперетки, куплетистомъ и вообще веселымъ элементомъ труппы.

Озеровъ смѣшилъ больше невзыскательную публику, но истиннымъ комизмомъ и юморомъ не обладалъ, выѣзжая больше на внѣшнихъ колѣнцахъ. Печать глумилась надъ его комизмомъ, но тѣмъ не менѣе одобряла его въ роли Калхаса въ «Прекрасной Еленѣ». Озерова любили, какъ милаго человѣка, за кулисами.

С. Я. Марковецкій, претендовавшій на роль болѣе серьезнаго комика, тоже, однако, выступавшій въ опереткѣ, былъ, говорили, очень талантливъ, но я его засталъ старымъ и мало работавшимъ. Его называли почтеннымъ, маститымъ, но не выдающимся. Игралъ онъ одно время много. Комизмъ его тоже былъ неважной марки. Впрочемъ, онъ все-таки выдвигался въ роляхъ репертуара Островскаго.

— Алексѣевъ, Озеровъ, Марковецкій... Это музейные актеры «Александринки»! — подтрунивалъ поэтъ Д. Д. Минаевъ. — Ихъ берегутъ, какъ рѣдкости.

— Возмущаетъ меня, — жаловался мнѣ много лѣтъ подъ рядъ И. О. Горбуновъ: — какъ это такъ «Александринка»... Больно ужъ пренебрежительно... Александринскій театръ, а господа рецензенты перекрестили его въ «Александринку». Непочтительно. Василий Курочкинъ, переводя «Дочь рынка» («Мадамъ Анго»), даже сриемовалъ: «Да здравствуетъ дочь рынка, ура! Александринка». Не того это...

Александръ Александровичъ Нильскій, пользуясь симпатіями театральнаго начальства, дѣлалъ погоду въ Александринскомъ театрѣ. Былъ неофициальнымъ диктаторомъ сцены, играя всѣ лучшія роли, и подходящія и не подходящія. Начальство словно дало ему привилегію на изображеніе ролей перваго любовника.

Нильскій сдѣлался объектомъ газетнаго остроумія. Не проходило дня, чтобы его не вышучивали, не высмѣивали въ стихахъ и въ прозѣ на страницахъ петербургскихъ газетъ, называя крокодиломъ и пр.

Въ какой-то пьесѣ умершаго героя, котораго изображалъ Нильскій, уносили на рукахъ и чуть было не уронили.

Вотъ актеръ, — писалъ, если не ошибаюсь, гроза тогдашней театральной критики А. А. Соколовъ: — и послѣ смерти невыносимъ».

Сколько стиховъ посвятилъ Нильскому Минаевъ — и не перечесть.

Александръ Александровичъ стоически все это переносилъ и продолжалъ играть, осыпaeмый градомъ обличеній. Справедливо это было или несправедливо?

Очень, очень преувеличенно во всякомъ случаѣ.

Нильскій былъ актеромъ безъ темперамента, ровнымъ, холоднымъ, образцово добросовѣстнымъ и приличнымъ. Я полагаю, что въ основѣ недоброжелательнаго отношенія къ Нильскому лежали другія обстоятельства, а именно его, такъ сказать, несмѣняемость въ роляхъ героевъ, объясняемая покровительствомъ начальства. Онъ закрывалъ дорогу для свѣжихъ дарованій, которыя не проникали на сцену, если претендовали на роли Нильскаго.

Относясь съ любовью къ дѣлу, Нильскій отличался аккуратностью, хронометрической точностью, не опаздывалъ на репетиціи.

Когда я дебютировалъ на сценѣ Малаго театра ролью Андрея Бѣлугина въ «Женитьбѣ Бѣлугина», Нильскій игралъ со мной Агышина.

Онъ былъ занятъ на репетиціи въ Александринскомъ театрѣ и опоздалъ на нашу репетицію на десять минутъ. Александръ Александровичъ, несмотря на то, что я передъ нимъ былъ мальчишка, едва ступавшій по сценѣ, подошелъ прежде всѣхъ ко мнѣ и извинился, что опоздалъ, что его задержали.

Меня такое отношеніе не могло не тронуть. Во время репетиціи онъ проявлялъ рѣдкую деликатность, давалъ совѣты и вообще оборожилъ меня.

Таковъ былъ за кулисами всемогущій по тому времени А. А. Нильскій. Если онъ надавливалъ тайныя пружины, чтобы вершить дѣла русской сцены, то въ качествѣ товарища актерской братии не измѣнялъ своему джентльменству.

Пересмотрѣлъ я Нильскаго въ десяткахъ самыхъ разнообразныхъ ролей и, если онъ ничего не портилъ, то мало давалъ и яркаго. Отсутствіе нутра въ игрѣ бросалось въ глаза, но главное онъ былъ однообразенъ и этимъ наскучилъ.

Для драматурга Нильскій справедливо считался выгоднымъ актеромъ съ той стороны, что онъ всегда зналъ роль, всегда думалъ надъ ней и старался угодить автору, считаясь съ его замысломъ. Какъ извѣстно, и большіе писатели предпочитали видѣть въ своихъ пьесахъ Нильскаго, именно въ силу этого. Звѣздъ съ неба не хваталъ, но не искажалъ произведенія.

Говоря театральнымъ языкомъ, Нильскій представлялъ собою большую полезность.

Годы летѣли, и когда А. А. Нильскій старѣлъ, онъ превращался въ болѣе виднаго и замѣтнаго актера на роли стариковъ, въ немъ началъ проявляться комическій талантъ.

Ошибкой Нильскаго съ первыхъ его шаговъ по сценѣ было, весьма возможно, то, что онъ считалъ себя по преимуществу драматическимъ героемъ. Такія ошибки явленіе хроническое въ русскомъ театрѣ и въ переживаемое нами время: не убѣдишь иныхъ въ аналогичномъ заблужденіи.

Публика еще помнитъ Нильскаго послѣдняго періода. Это былъ совсѣмъ другой Нильскій по сравненію съ тѣмъ, какимъ я его засталъ на сценѣ. Что я почиталъ въ Александрѣ Александровичѣ Нильскомъ, это его беззлобіе; онъ никогда ни единымъ словомъ въ теченіе всей своей карьеры не попрекалъ печать за чрезмѣрно суровое, дерзкое къ нему отношеніе. Онъ забылъ это совершенно. Грѣхъ его былъ тотъ, что онъ не способствовалъ привлеченію, доступу силъ провинціи на Александринскую сцену. Я говорю о силахъ мужского персонала, потому что всѣ знаютъ, что Нильскій однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ вступленіе на сцену М. Г.

Савиной и ратоваль за нее предъ начальствомъ. Тутъ чутье не обманывало его и конкуренціи не предвидѣлось...

Припоминаю еще актеровъ, съ которыми сталкивала меня судьба въ Александринскомъ театрѣ.

Вторыхъ любовниковъ играль А. П. Душкинъ, фамилія котораго тоже не давала покоя юмористамъ.

Душкинъ очень часто появлялся на сценѣ, всегда былъ элегантно одѣтъ, но поражалъ бездарностью. Казалось, что судьба совершенно случайно забросила его на сцену, что изъ него могъ выйти хорошій чиновникъ, офицеръ, кто хотите, только не актеръ.

Будучи человѣкомъ хорошаго происхожденія, онъ выдѣлялся изысканными манерами, но всегда и во всемъ оставался окаменѣлымъ Душкиныхъ. Душкинъ всегда представлялся мнѣ чиновникомъ сцены, и если бы онъ, при его порядочности и воспитаніи, подвизался примѣрно въ конторѣ императорскихъ театровъ, навѣрное принесъ бы болѣе пользы.

Душкинъ самъ, полагаю, сознаваль свою бесполезность въ труппѣ и не любилъ театра: дослужившись до пенсіи, онъ подъ другой настоящей фамиліей вышелъ въ міръ и занялся, кажется, нефтяными дѣлами, да и доселѣ, если не ошибаюсь, занимается ими.

Въ Ораніенбаумскомъ лѣтнемъ театрѣ гастролироваль молодой комикъ Константинъ Александровичъ Варламовъ, котораго и публика и печать единогласно привѣтствовали, какъ большой талантъ. Играль Константинъ Александровичъ въ водевилѣ «Левъ Гуричъ Синичкинъ», въ которомъ играетъ и до сихъ поръ.

Со сцены повѣяло чѣмъ-то необыкновенно жизнерадостнымъ.

Однако Варламовъ уѣхаль, и, лишь спустя, если память мнѣ не измѣнила, цѣлый сезонъ, совершенно неожиданно мы увидѣли его въ Александринскомъ театрѣ. Играль онъ купца Хлопонина отца въ «Злобѣ дня» и играль превосходно.

Въ старую труппу вошелъ человѣкъ съ яркимъ, самобытнымъ талантомъ, прекрасный самородокъ, взрощенный провинціальной сценой.

Петербургъ, извиняюсь за выраженіе, загалдѣлъ о Варламовѣ, носился съ нимъ. Что ни роль—то новый успѣхъ.

Куда ни приди, бывало, только и слышишь: видѣли Варламова? Каждый авторъ желаль, чтобы въ его пьесѣ играль Константинъ Александровичъ. Для него стали писать роли, какъ для Савиной.

Онъ внесъ художественный элементъ и въ исполненіе героевъ Островскаго, въ пьесахъ котораго чувствовалось именно отсутствіе такой богато одаренной русской натуры. «Костенька», какъ звали товарищи по сценѣ Варламова, безъ протекціи, безъ заискиванія у рецензентовъ, прокладываль себѣ дорогу.

Оставалось только радоваться, что Константина Александровича пригласили во дни весны его таланта, а не тогда, когда онъ началъ бы уставать, изломанный скитаньемъ по провинціи.

Дѣятельность его на глазахъ современниковъ, и я не буду особенно распространяться объ ней.

Варламовъ очаровалъ всѣхъ и личными качествами, вошелъ въ актерскую семью совсѣмъ, какъ въ свою семью, принявшую его любовно и ласково.

Первое время, когда казеннымъ актерамъ не запрещали еще играть въ клубахъ, Варламова затормошили: онъ игралъ на дармовщинку, принимая участіе въ спектакляхъ чуть не всѣхъ клубныхъ бенефициантовъ. «Когда намъ запретять играть?» спрашивалъ Варламовъ.

Сазоновъ еще до появленія Варламова въ Александринскомъ театрѣ указывалъ на него дирекціи. Они вмѣстѣ играли въ провинціи, куда ѣздилъ въ юности Николай Оедоровичъ лѣтомъ и уѣзжалъ для практики еще со скамьи театральной школы.

Крупнымъ событіемъ въ театральной жизни Петербурга былъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ провинціальной знаменитости Никифора Ивановича Новикова, выступившаго въ тяжелой драмѣ Чернышева «Отецъ семейства».

О Новиковѣ, еще до пріѣзда его, затрубилъ популярный грозный театральный критикъ А. А. Соколовъ («Театральный нигилистъ»), рекомендовавшій его какъ крупнѣйшую силу.

Я былъ на дебютѣ Никифора Ивановича, имѣвшаго огромный успѣхъ. Вызвали его послѣ послѣдняго акта разъ семнадцать. Впечатлѣніе онъ произвелъ и въ безъ того мрачной, тяжелой драмѣ, рисующей картину угнетенія семьи деспотомъ-отцомъ, страшное. Игралъ виртуозно, разработавъ роль до тонкостей.

Мнѣнія о талантѣ Новикова, нынѣ покойнаго, однако раздѣлились, и среди представителей литературы, критики и публики, мѣсяць спустя, звучала нота разочарованія. Эти голоса не считались съ колоссальнымъ внѣшнимъ успѣхомъ артиста. Успѣхъ не ослабѣвалъ и Никифора Новикова шумно принимали въ роляхъ городничаго («Ревизоръ») и Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живеть») и другихъ.

Чувствовалось между тѣмъ, что этотъ восторгъ по адресу Новикова до нѣкоторой степени вздутъ, стали меньше интересоваться артистомъ, меньше говорить о немъ.

Что это былъ человекъ съ талантомъ, одаренный богатѣйшими физическими средствами, спорить нельзя, но талантъ провинціальной знаменитости оказался не яркимъ и не разнообразнымъ. Говорили, что Новиковымъ не умѣютъ или не хотятъ пользоваться, отодвигаютъ его въ тѣнь и пр. Констатирую фактъ, что Н. И. Новиковымъ, дѣйствительно, перестали интересоваться и изъ «большаго актера» онъ постепенно превращался въ рядового и по собственному побужденію покинулъ сцену.

Онъ чувствовалъ самъ, что Александринскій театръ мѣсто не по немъ, что надъ другими онъ здѣсь не доминируетъ. Началъ блестяще, а кончилъ какъ-то втихомолку.

Друзья его замѣчали, что Н. И. Новиковъ не привился, не цѣнять и не понимаютъ его, что артистъ страдаетъ при такомъ положеніи и мечтаетъ вновь уйти въ провинцію. Я забылъ, не замѣтилъ, когда исчезъ Никифоръ Ивановичъ. Вскорѣ я видѣлъ въ пьесѣ «Отецъ семейства» на частной сценѣ А. А. Соколова, того самаго, который такъ славилъ Новикова. По совѣсти скажу, онъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ Новиковъ, и игралъ чуть-чуть помягче, въ менѣе звѣроподобномъ тонѣ.

Новиковъ пролетѣлъ за кулисами Александринскаго театра метеоромъ: блеснулъ и слѣда не осталось. Едва ли его громкое имя не пострадало отъ службы на казенной сценѣ.

На Александринской сценѣ произошло однажды забавное событіе, шедшее въ разрѣзъ съ установившимся режимомъ, лишившимъ свободнаго доступа туда провинціальныхъ актеровъ.

Николай Захаровичъ Бураковскій, по сценѣ Вергинъ, назвавшійся такъ въ честь блиставшей балетной звѣзды Вергиной, какъ онъ мнѣ объяснялъ, получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ.

Популярный тогда актеръ А. З. Бураковскій, братъ Вергина, не могъ достичь этого, а Вергинъ, пѣвшій куплеты на любительскихъ и клубныхъ сценахъ, игравшій отъ времени до времени въ качествѣ диллетанта, выступилъ въ Александринскомъ театрѣ въ пьесѣ гг. Худекова и Жулева «Петербургскіе когти» въ роли актера Мѣдякова. Однажды я мелькомъ упоминалъ объ этомъ курьезѣ, но теперь распространюсь подробно.

Будучи на сценѣ человѣкомъ совершенно неопытнымъ, лишеннымъ виѣшности, неуклюжимъ, совсѣмъ юнымъ, онъ имѣлъ храбрость выйти передъ публикой въ роли, созданной гремѣвшимъ незадолго до описываемаго случая Ипполитомъ Монаховымъ.

Знавшіе Вергина, даже его друзья и пріятели, и въ томъ числѣ я самъ, не хотѣли повѣрить, что увидимъ его на той образцовой сценѣ (такъ назвалъ ее первымъ Д. В. Аверкіевъ), на которую былъ закрытъ свободный доступъ людямъ съ именами и широкими репутаціями.

— Правда ли, Николай Захаровичъ, что ты дебютируешь?

— А вотъ увидите, — серьезно отвѣтилъ онъ.

— Какъ ты добился?

— Приказано дать дебютъ... это желаніе барона Кистера, завѣдующаго контролемъ министерства двора. Повѣстку на репетицію получилъ. Не угодно ли-съ!

«Приказано», ну, и кончено дѣло! Никто не рѣшился и на репетиціи осадить Вергина, сознавая отлично, что предстоитъ здоровый скандалъ.

А Вергинъ не унывалъ, намекая лишь на сильную протекцію, которая помогала ему у барона Кистера.

Театральный Петербургъ ломалъ голову, что это за протекція на императорской сценѣ, заставившая дирекцію подчиниться, въ ущербъ дѣлу, обычаю и смыслу: всѣ знали, что такое Николай Захаровичъ Вергинъ, что это за сила!

Дебютировалъ онъ при переполненномъ театрѣ. Собрались актеры чуть не со всего Петербурга.

Режиссеръ пикнуть не посмѣлъ, не посмѣлъ снять пьесу съ афиши.

Ну, и была игра! Провалился Вергинъ во всю.

— Интрига, возмутительная интрига!—увѣрялъ онъ потомъ.

— Въ чемъ же она выразилась?

— О! я еще этого такъ не оставлю, я автора найду.

— Да что такое вамъ сдѣлали?

— Хотѣли, чтобъ я при входѣ на сцену растянулся, но не удалось. Правда, я поскользнулся, но тѣмъ и окончилось.

— Что же сдѣлали?

— Поль кто-то мыломъ намазалъ. Возмутительный фактъ.

— Невѣроятно!

— Самъ разслѣдовалъ... мыло, чистѣйшее мыло.

Кто же оказалъ любителю могущественную протекцію, кто организовалъ этотъ позоръ?

Благосклоннымъ вниманіемъ барона Кистера пользовалась извѣстная французская актриса Дика-Шти, служившая въ Михайловскомъ театрѣ.

У нея была горничная. Такъ вотъ черезъ эту горничную, съ которой Вергинъ случайно познакомился, онъ и добился дебюта.

Трудно повѣрить, чтобы рассказанное могло произойти, но фактъ внѣ сомнѣнія и достоинъ быть занесеннымъ на скрижали исторіи петербургскаго театра. Впрочемъ, горничной потомъ отъ французской актрисы попало. Могъ ли думать могущественный тогда баронъ Кистеръ, чье желаніе онъ исполнилъ?

Передавали, что онъ умеръ, не подозрѣвая этого, а ему почтительнѣйше доложили, что дебютанта вызывали столько-то разъ (принято было официально считать вызовы) и что успѣхъ былъ средній и раздавалось изрѣдка шиканье. О томъ, что смѣхъ въ театрѣ стоуль неугомонный, умолчали.

Только русская публика, выносливая и терпѣливая, способна хохотать надъ подобными дебютантами, за границей его бы освистали и забросали всякою дрянью. Такого спектакля никто больше не видалъ.

Надо объяснить, что дебюты въ Александринскомъ театрѣ разрешались извѣстнымъ актерамъ съ необычайнымъ трудомъ. Ходили къ начальнику репертуара, къ режиссеру, къ первымъ актерамъ и

просили. Случалось, что мытарства заканчивались обратным отъездомъ въ провинцію.

И на ряду съ этимъ—безпримѣрный, волшебный фокусъ Николая Вергина. Братъ его, актеръ, успѣвшій зарекомендовать себя, и дѣйствительно удачно, получили дебютъ, надо полагать, черезъ добрый десятокъ лѣтъ.

О воображаемомъ «мылѣ» потомъ постоянно вспоминали за кулисами, говоря, что мыло принесъ самъ Вергинъ, какъ мыльный пузырь.

Провинціальный актеръ Александръ Семеновичъ Быковъ, дебутировавшій въ Александринскомъ театрѣ, какъ это ни курьезно, тоже говорилъ мнѣ, что ему во время исполненія роли Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») чѣмъ-то полъ мазали и помощникъ режиссера передъ выходомъ актеровъ задерживалъ.

Дѣйствительно, одно дѣйствующее лицо запоздало, вѣроятно, безъ режиссерскаго умысла, а насчетъ мыла искренно посмѣялись.

— Что за полотеры!—острилъ Николай Ивановичъ Арди.

А. С. Быкова, написавшаго впоследствии нѣсколько пьесъ и превратившагося въ репортера «по особо важнымъ уголовнымъ дѣламъ», сотрудничавшаго въ «Петербургской Газетѣ», я видѣлъ въ Александринскомъ театрѣ въ комедіи «Семейныя тайны» Ознобишина, гдѣ онъ игралъ старика-генерала и талантливо кряхтѣлъ, по мѣткому замѣчанію кого-то изъ рецензентовъ.

Быковъ славился не столько, какъ хорошій актеръ, сколько своею честностью и благородствомъ. Всю жизнь онъ болѣлъ и стоналъ, въ немъ клокотало оскорбленное артистическое самолюбіе.

Все, помнящіе Николая Ивановича Арди, согласятся со мной, что онъ обладалъ большимъ талантомъ и въ бытовомъ репертуарѣ до сихъ поръ не имѣетъ замѣстителя. Юморъ Арди, его веселость, живость въ сравненіи. Купчикъ, писарь въ его обрисовкѣ достигали истинной художественности.

Я вспоминаю Арди въ «Горе отъ ума», гдѣ онъ изображалъ г. Н. Появленіе его и двѣ-три брошенныя фразы вызвали бурю рукоплесканій: до такой степени онъ былъ серьезно комиченъ и далъ такую типичную фигуру. Судьба Николая Ивановича въ Петербургѣ интересна. Нѣсколько лѣтъ его причисляли къ бездарностямъ, подсмѣивались надъ его грубымъ провинціализмомъ и пр.

Немудренно: вмѣсто того, чтобы использовать дарованіе Арди, его пихнули въ оперетку и заставили, напримѣръ, изображать Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Арди былъ маленькимъ, толстенькимъ и скорѣе всего подходящимъ для изображенія Бобчинскаго, но не Париса.

Разумѣется, выходило карикатурно и вызывало глумленіе. Сбросивъ съ плечъ этотъ грузъ, Арди показалъ себя художникомъ въ репертуарѣ Островскаго, создавъ рядъ типовъ, самыхъ разно-

образныхъ. Я не знаю, какого происхожденія былъ Н. И. Арди, кажется, изъ казаковъ съ Дону, но многихъ вводила въ заблужденіе его фамилія. Болѣе русскаго человѣка, чѣмъ Арди, трудно было себѣ представить на сценѣ. Въ этомъ отношеніи по складу рѣчи, по юмору и всей своею манерою говорить онъ приближался къ такому типичному художнику, выразителю русской жизни, какъ незабвенный Горбуновъ.

Даже въ мелкихъ созданіяхъ, напримѣръ, въ роли писаря въ ничтожномъ водевилѣ «Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу», Арди давалъ удивительныя фигуры, вызывая заразительный смѣхъ. Изъ посредственности, изъ опереточнаго ничтожества его произвели въ выдающагося, талантливаго актера, и это производство со стороны публики и печати было безусловно заслуженнымъ.

Я все-таки считаю, что Арди не былъ оцѣненъ вполне и его поняли лишь послѣ смерти, когда въ трупѣ почувствовали брешь. Большинство его ролей поручили А. С. Панчину, очень способному молодому человѣку, но по сравненію съ Арди—это небо и земля.

Панчинъ, выйдя изъ театральнаго училища, пѣлъ тоже въ опереткѣ, гдѣ и обратилъ на себя вниманіе. Въ Александринскомъ театрѣ, будучи юношей, онъ выдвинулся ролью Хлестакова, перепавшей ему случайно.

Впослѣдствіи Панчинъ, хотя и занималъ опредѣленное положеніе въ трупѣ и былъ всегда очень полезенъ, но далъ меньше, чѣмъ ожидали отъ него въ театрѣ и школѣ.

На смѣну Александра Александровича Нильскаго стали показывать Л. Каширина, который выпелъ,—насколько память говорить,—въ музыканты и игралъ на мѣдныхъ инструментахъ въ театральномъ оркестрѣ.

Каширинъ отличался изъ ряду выходящей красотой, поражающей всѣхъ. При стройной, высокой фигурѣ Каширинъ, по внѣшнимъ даннымъ, представлялъ рѣдкаго исполнителя для ролей любовниковъ.

Внутренній багажъ артиста оказался бѣднымъ: ни сердца, ни души, ни темперамента. И тѣмъ не менѣе красота, плюсъ сладкавость, недурныя манеры и нѣкоторый сценическій навыкъ открыли ему порядочную дорогу на сценѣ: онъ замѣнялъ Нильскаго и получалъ много ролей.

Объ его красотѣ разсказывали, что, когда онъ, будучи музыкантомъ, вошелъ первый разъ въ антрактъ въ оркестръ, такъ возбудилъ общее вниманіе. По сценѣ Каширинъ прошелъ, принимая во вниманіе его микроскопическія способности, незамѣченнымъ.

Въ jeune premier вскорѣ прочили воспитанника театральнаго училища Р. Аполлонскаго. Я его встрѣчалъ мальчикомъ въ формѣ театральнаго училища. Полный, румяный и также очень красивый, онъ выдавался среди товарищей манерой прилично держаться.

Нынѣшній премьеръ Александринскаго театра пробиваль себѣ дорогу непрерывнымъ трудомъ и на первыхъ шагахъ ея обнаружилъ любовное отношеніе къ своей работѣ. Публика видитъ, какихъ успѣховъ достигъ Р. Б. Аполлонскій и какъ онъ использовалъ свое дарованіе. Остановлю вниманіе читателя на принятомъ въ труппу нѣсколько позднѣй Леонидѣ Ивановичѣ Градовѣ-Соколовѣ, питомцѣ также театральной школы, но кочевавшемъ по провинціи.

Въ Петербургѣ Леонидъ Ивановичъ возвратился триумфаторомъ, но не актеромъ, а исполнителемъ куплетовъ, зачастую пошленькихъ, представлявшихъ собою плоды дешеваго грубаго обличенія. Толпа облюбовала этотъ культъ куплетистики, созданный на Александринской сценѣ очень талантливымъ актеромъ Ипполитомъ Ивановичемъ Монаховымъ. Монаховъ передавалъ бездѣлки художественно, говорилъ подъ аккомпаниментъ не хуже Иветы Гильберъ.

Весь Петербургъ распѣвалъ «Смѣхъ», «Если любишь ты кататься», «Ma parole d'honneur» и пр.

Монаховъ вовлекъ въ невыгодную сдѣлку Виктора Крылова, Григорія Лишина и многихъ другихъ драматурговъ и юмористовъ, склонивъ ихъ писать куплеты. Для ихъ репутаціи это было, разумеется, невыгодно...

Увлеченіе «куплетистикой», какъ называли тогда этотъ родъ развлеченія, перешелъ всякія границы: гимназисты пѣли куплеты и подражали Монахову, передававшему ихъ голосомъ съ непріятнымъ носовымъ звукомъ.

Именно эту ность и подражатели старались исполнять всю эту пошлятину, противъ которой разразились даже «Отечественныя Записки» Краевского и Некрасова.

Монаховъ стяжалъ обильные лавры, отодвинувъ этими успѣхами свое значеніе, какъ талантливаго, интеллигентнаго актера.

Послѣ смерти Монахова первенство въ куплетистикѣ оспаривали разные актеры съ такимъ же рвеніемъ, какъ... ну, какъ оспаривали одно время, послѣ смерти М. Н. Каткова въ публицистикѣ его роль: припомните, сколько являлось у него продолжателей и каждый норовилъ заполучить субсидію.

Жаль было, что такой актеръ, какъ Ипполитъ Монаховъ, расточалъ свое дарованіе на куплетцы. Съ одной стороны, вспоминали И. А. Гончарова, указывавшаго на талантъ Монахова, съ другой стороны, слушали блестящіе грошеваго остроумія.

Репертуаръ Монахова отличался разнообразіемъ, онъ игралъ и стариковъ и неподобно изображалъ представителей молодежи, вродѣ Жоржа Градищева въ драмѣ Николая Потѣхина «Злоба дня», а ранѣе появлялся царемъ Ахилломъ въ «Прекрасной Еленѣ», созданной у насъ В. А. Лядовой.

Монаховъ игралъ съ М. Г. Савиной и тоже восторгался однимъ изъ первыхъ ея талантомъ,

— Большая актриса!—говорилъ онъ въ моеѣ присутствіи на лекціи П. Д. Боборыкина о театрѣ въ Художественномъ клубѣ. На этой лекціи присутствовала и новая молодая актриса М. Г. Савина.

Монаховъ иронизировалъ слегка надъ выводами и заключеніями П. Д. Боборыкина, махавшаго на каедрѣ руками, кричавшаго и поминутно прихлебывавшаго воду.

Въ пьесахъ Островскаго Монаховъ почти не появлялся, не чувствуя особенно быгу. Онъ выступалъ въ пьесахъ Боборыкина, Крылова, Алексѣя Потѣхина, Николая Потѣхина, игралъ Чацкаго, Хлестакова и пр.

Иначе его не называли, какъ «любимецъ публики». Монаховъ прожигалъ свою жизнь, любилъ пирушки, кутежи и не щадилъ своего здоровья. Онъ похоронилъ себя очень рано.

За гробомъ его шла толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ. Особенно много было дамъ. Похоронами руководилъ актеръ Александринскаго театра К. Г. Бродниковъ, имѣвшій слабость къ похоронному дѣлу. Его приглашали въ качествѣ свѣдущаго лица по этому дѣлу во время прибытія и погребенія тѣла И. С. Тургенева. Бродниковъ изображалъ собою какого-то диллетанта похоронныхъ процессій. Объ немъ еще придется вспомнить, фигура эта за кулисами Александринскаго театра была любопытная.

Я ѣздилъ на похороны Монахова съ Иваномъ Платоновичемъ Киселевскимъ, вступившимъ потомъ въ составъ труппы Александринскаго театра. Возвращаюсь къ Л. И. Градову-Соколову.

Его пригласили по рекомендаціи А. А. Соколова, кстати сказать, кажется, служившаго въ Александринскомъ театрѣ до превращенія въ журналиста и театральнаго критика, любившаго поругаться, но довольно чуткаго человекъ, близко изучившаго театральные нравы и театральную машину.

Градовъ-Соколовъ выступилъ въ новомъ открывшемся саду «Ливадія» и загремѣлъ куплетами.

— Монаховъ такъ не пѣлъ!

— Выше Монахова!—закричали о немъ.

Передавалъ онъ куплеты, дѣйствительно, съ заразной веселостью, поглубѣй, пожалуй, Монахова, но оригинально, талантливо. До того хорошо, что его приходилось сожалѣть.

Вѣдь это растрата дарованія!

Потомъ Градовъ-Соколовъ на слѣдующій сезонъ перекочевалъ въ «Аркадію», по сосѣдству въ Новой деревнѣ, гдѣ взялъ антрепризу оперетки знаменитый въ свое время оперный пѣвецъ Юсифъ Яковлевичъ Сѣтовъ.

Тутъ опять Градову-Соколову сопутствовалъ полный успѣхъ, къ счастью, не удовлетворявшій Леонида Ивановича, который, какъ умный человекъ, сознавалъ, что на опереткѣ далеко не уѣдешь и только загубишь карьеру.

Охлаждѣль онъ и къ куплетамъ, уклоняясь пѣть ихъ даже за баснословный гонораръ.

Градовъ-Соколовъ снова появился въ Александринскомъ театрѣ. Я смотрѣлъ его въ Расплюевѣ («Свадьба Кречинскаго»), гдѣ онъ понравился публикѣ и имѣлъ хорошій успѣхъ.

Глубокаго комизма онъ не проявилъ, но во всякомъ случаѣ показалъ, что актеръ выдающійся, которому всегда найдется мѣсто и дѣло въ серьезной труппѣ.

Градовъ-Соколовъ недолго оставался въ труппѣ Александринскаго театра, соблазнившись предложеніемъ вступить въ труппу Корша, гдѣ, появляясь большею частью въ легкихъ, фарсовыхъ роляхъ, завладѣлъ прочно симпатіями москвичей.

Въ Москвѣ Леонидъ Ивановичъ и покончилъ свои дни. По своей натурѣ онъ всегда былъ склоненъ къ бессоннымъ ночамъ и къ попойкѣ, рассчитывая на крѣпкое здоровье. Этимъ онъ и распаталъ свой организмъ.

Я любилъ Градова-Соколова за удивительное съ его стороны уваженіе къ литературѣ, къ печати вообще или къ той ея части, которая заслуживала этого. Дружилъ онъ всегда съ литературой, журналистикой, и въ этомъ мѣрѣ его очень любили. У него было много друзей.

Иванъ Платоновичъ Киселевскій, бывшій нотаріусъ въ Курскѣ, потомъ любитель и наконецъ заправскій актеръ, появлялся въ Александринскомъ театрѣ не разъ. Дебютировалъ впервые въ «Старомъ баринѣ» Пальма, играя послѣ Самойлова, затѣмъ въ роли Диковскаго («Блуждающіе огни» Л. Н. Антропова) и пр.

Несмотря на почтенный возрастъ, когда Киселевскій вступилъ въ труппу Александринскаго театра, онъ представлялся совершеннымъ юношей и порой даже легкомысленнымъ: ролей учить особенно не любилъ, надѣясь на доброе сочувствіе суфлеровъ, но это не мѣшало ему нравиться публикѣ.

Общительность Киселевскаго скоро сдружила его со всей труппой, хотя болтливый острый язычекъ Ивана Платоновича вредилъ ему.

Очень многіе изъ актеровъ побаивались Киселевскаго, потому что онъ злобно вышучивалъ ихъ, подмѣчая, благодаря своей наблюдательности, слабыя стороны.

Иванъ Платоновичъ терпѣлъ вѣчную нужду, какой бы окладъ ни получалъ. По своей добротѣ онъ дѣлился съ товарищами деньгами, потомъ занималъ, забиралъ впередъ жалованье и постоянно, улыбаясь, печаловался на безвыходное положеніе.

Но какъ бы тяжело ему ни приходилось, онъ всегда сохранялъ жизнерадостность, всегда былъ весело настроенъ и являлся незамѣнимымъ собесѣдникомъ въ компаніи.

Сыгравъ гдѣ-нибудь въ клубѣ, получивъ порядочный гонораръ, онъ его тутъ же за ужиномъ и оставлялъ.

Киселевскій былъ баринoмъ и на самомъ дѣлѣ и въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято характеризовать руссiйское барство: беззаботный, транжира, не считающій денегъ, широкій, безпечный, добрый, живущій въ сущности больше для другихъ, для окружающихъ, чѣмъ для себя.

Ивану Платоновичу ничего не стоило, поссорившись съ дирекцией, разстаться съ обезпеченнымъ положеніемъ, собрать пожитки и уѣхать въ провинцію, куда глаза глядятъ. Самолюбіе свое онъ берегъ пуще всего и ради него жертвовалъ всѣмъ.

Отказался служить, взялъ чемоданъ и укатилъ. Потомъ, глядишь, опять возвратится. Кончилъ онъ все-таки провинціей и скончался въ Кіевѣ, не оставивъ послѣ себя ровно ничего, какъ вся талантливая и неталантливая литературно-театральная русская богема. Таковы мы всѣ, за ограниченнымъ исключеніемъ, и никогда, кажется, насъ не передѣлаешь.

Съ Киселевскимъ я прожилъ сезонъ въ Кронштадтѣ, гдѣ мы вмѣстѣ нанимали одну комнату, служа въ Кронштадтскомъ новомъ, потомъ сгорѣвшемъ театрѣ у антрепренера Рапопорта, до того времени музыкальнаго критика, пріятеля Пятти, Нильсонъ, Арто, Тамберлика и др.

Жалованья не платили. Мы не унывали и по недѣлямъ съ Киселевскимъ питались ветчиной и колбасой. Я былъ юнъ, Киселевскій въ годахъ, но такое прозябаніе на него ровно никакого впечатлѣнія не производило. Веселый, бодрый духъ его не покидалъ.

Про Киселевскаго на казенной сценѣ уцѣлѣло немало анекдотовъ объ его оговоркахъ, недоразумѣніяхъ съ суфлерами, о сценической импровизации и пр. Половина ихъ безусловно присочинена.

Для драматурговъ Киселевскій былъ тяжеловатъ и не только тѣмъ, что слабо училъ роли въ новыхъ пьесахъ, но онъ подтрунивалъ надъ ними, подхватывая въ силу своей интеллигентности промахи и курьезы. Рѣчь идетъ, конечно, о такихъ драматургахъ, которые не принадлежали къ числу выдающихся, всѣми признанныхъ.

Много крови имъ портилъ Киселевскій. Копировалъ онъ ихъ, рассказывалъ про нихъ анекдоты по городу. Не мудрено, что нѣкоторые его считали человѣкомъ непріятнымъ, а вотъ мы, знавшіе близко Ивана Платоновича, можемъ подтвердить, что никакой злобы, никакого недоброжелательства въ немъ въ сущности не было. Безъ всякаго умысла сбрехнеть онъ что-нибудь и самъ забудетъ. А потому говорятъ: вотъ что Киселевскій распространяеть.

Если ему кто-нибудь насолил, напакостилъ серьезно, ну, тогда онъ превращался въ мстительнаго человѣка и покою не давалъ, извести могъ.

Были роли, для которыхъ не подыщешь другого Киселевскаго. Какого Кречинскаго онъ давалъ, любо было смотрѣть! Тонъ, выдержка, манера, блескъ, спокойствіе.

Ставили въ Александринскомъ театрѣ мою шутку «Въ ссудной кассѣ». Киселевскій по дружбѣ самъ вызвался мнѣ сыграть актера и изъ пустячной, крошечной роли создалъ типичное лицо. Въ «Каширской старинѣ», изображая старика-боярина, онъ былъ удивительно хорошъ, а между тѣмъ Аверкіева недолюбливалъ, считая его языкъ коверканнымъ.

Репертуаръ Ивана Платоновича былъ такъ обширенъ, что онъ самъ не перечислилъ бы сыгранныхъ имъ ролей.

Воспитанный человекъ, пріятныхъ формъ, онъ нигдѣ не терялся, и въ любомъ обществѣ чувствовалъ себя хорошо, свободно.

За кулисами его Е. И. Левкѣва называла довольно мѣтко «губернаторъ». «Говорить, какъ губернаторъ, садеть—губернаторъ и манера губернатора».

Покойный страдалъ отъ кредиторовъ. Заболѣваніе хроническое въ закулисной жизни. Благодаря имъ, полагаю, Киселевскій не любилъ устраиваться въ своей квартирѣ, въ своемъ углу, предпочитая меблированныя комнаты.

— У меня нѣтъ страсти къ вещамъ, къ предметамъ роскоши и обстановкѣ!—сознавался Киселевскій.

И хорошо, а то обстановку пожирали бы кредиторы.

Короткое время въ труппѣ Александринскаго театра служилъ М. К. Стрѣльскій, другъ Киселевскаго, герой провинціальной сцены, мужъ Е. А. Алексѣевой, о которомъ я упомянулъ.

Михаилъ Кузьмичъ Стрѣльскій (Третьяковъ) въ юные годы служилъ въ Маломъ московскомъ театрѣ, затѣмъ въ провинціи, пѣлъ въ опереткѣ, наконецъ попалъ въ Александринскій театръ, откуда его быстро выжили. Звѣздъ съ неба онъ не хваталъ, но справедливо считался полезнымъ человекомъ, болѣе даровитымъ, чѣмъ иные счастливыя, получавшіе здоровые оклады. Стрѣльскій служилъ въ провинціи вмѣстѣ съ М. Г. Савиной, которая рекомендовала его дирекціи.

Выше я, попутно, припуталъ имя К. Г. Бродникова, о которомъ нельзя промолчать.

Толстякъ съ лысой головой, въ очкахъ, съ перстнями на толстыхъ, короткихъ пальцахъ, съ брилліантовыми булавками въ галстукахъ и съ разноцвѣтными пуговицами на жилетахъ, онъ вездѣ былъ замѣтенъ. Дарованіями Богъ Бродникова не наградилъ, да онъ и не выражалъ претензій на талантъ и роли, замѣчая лишь вскользь, что гдѣ-то имѣлъ колоссальный успѣхъ въ роли городничаго. Гдѣ—я до сихъ поръ не знаю.

Бродниковъ занималъ маленькую квартиру на Невскомъ, у Казанскаго моста, надъ нынѣшнимъ Учетно-Ссуднымъ банкомъ. Эту квартиру актерство знало отлично и вотъ почему: въ тѣ годы, о которыхъ говорю, не было театральныхъ агентствъ, не было Театральнаго общества.

Представителемъ крупныхъ антрепренеровъ въ столицѣ былъ К. Г. Бродниковъ.

Онъ имъ рекомендовалъ актеровъ, онъ имъ посылалъ новыя пьески, словомъ, служилъ по силѣ возможности. Отсюда и вели происхожденіе бродниковскіе булавки и перстни, полученные имъ, какъ подарки, отъ благодарныхъ антрепренеровъ и актеровъ.

Увѣряли, что у Бродникова есть капиталецъ, но онъ открещивался энергично отъ такихъ слуховъ, благодаря которымъ у него просили деньги въ долгъ. Давать онъ не любилъ и каждую копейку тратилъ, скрѣпя сердце.

— Что бы, мой добрый другъ (это его вѣчная и любимая поговорка), скушать подешевле!—произносилъ онъ, просматривая карту въ клубѣ или ресторанѣ.

А когда его угощали неизмѣнный другъ, водевилистъ, журналистъ и редакторъ «Новаго Времени» М. П. Федоровъ, онъ легко проглатывалъ по три блюда на ночь, запивая ихъ виномъ.

— Я угощаю! заказывайте!—объявлялъ Федоровъ.

— Мой добрый другъ! это благородно съ вашей стороны. Сегодня я даже не прочь съѣсть что-нибудь посущественнѣе.

И ѣли они безъ конца, не считаясь съ своей толщиной. Бродниковъ игралъ вторыя и третьи роли, игралъ, царство ему небесное, весьма плохо, но всегда стараясь создать что-то необычайное, мудрое.

Потуги оставались безрезультатными, и ничего изъ нихъ не выходило. Надъ Бродниковымъ за кулисами Александринскаго театра любовно потѣшались. А какъ, бывало, умереть кто изъ товарищей, къ нему:

— Константинъ Григорьевичъ, похлопочите.

У гробовщика онъ былъ недосыгаемъ. Торговался, поражалъ Шумиловыхъ старшихъ и младшихъ познаніями въ технику дѣла и въ коммерческихъ его тайнахъ. Ужь его на газетѣ или гробикѣ не проведешь. И къ лицу выбрать, и практично, и прочно, и самъ лично въ церкви распоряжается, и чуть могилу не роетъ.

О разрядахъ тогда не слышно было, хоронили бѣдно и богато, а Бродниковъ умѣлъ похоронить какъ будто богато, но вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ способомъ.

Злая иронія судьбы обидѣла бѣднягу Бродникова: заболѣвъ, страшно исхудавъ, онъ уѣхалъ лечиться въ Ялту и тамъ умеръ одиноко, вдали отъ товарищей, и некому было его похоронить. И теперь эта могилка смотритъ заброшенной.

Совершенно неожиданно въ одномъ изъ великопостныхъ концертовъ Александринскаго театра, которые устраивались актерами и режиссерами въ свою пользу, выступилъ, опять-таки съ пошленькими куплетами, Маріусъ Маріусовичъ Петипа, сынъ знаменитаго балетмейстера и нынѣ извѣстный актеръ провинціи.

Рѣдко красивый, напоминавшій южанина-француза, Петипа спѣлъ куплеты и имѣлъ успѣхъ, встрѣтивъ, впрочемъ, антагонизмъ среди специалистовъ по куплетному ремеслу, поклонниковъ Монахова.

— Неслыханная дерзость, конкурировать съ кѣмъ? съ Монаховымъ. Ну, и что же! никакой художественной отдѣлки. Тотъ плюнетъ, просто плюнетъ, и выходитъ художественно.

Я слышалъ это мнѣніе изъ устъ популярнаго юриста-театрала, здравствующаго и понынѣ.

Петипа заинтересовались, стали ходить слухи, что онъ даровитый актеръ, отлично поетъ въ опереткѣ. Очень скоро онъ и подтвердилъ это, спѣвъ на той же Александринской сценѣ Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Голосъ не ахти какой, но развязность, живость, совсѣмъ родственная опереткѣ по ея національному происхожденію.

Петипа ангажировали въ труппу Александринскаго театра. Этотъ приемъ окрылилъ переводчиковъ оперетокъ Григорія Липина, Василія Курочкина, В. Александрова (Крылова) и др., которые вѣрили еще въ живучесть оперетки на образцовой сценѣ.

Новый актеръ появился наконецъ въ комедіи, видѣлъ я его, между прочимъ, замѣнявшимъ Монахова въ «Злобѣ дня». Манера игры у него была не русская, французъ чувствовался, надо было привыкать къ этому тону и надѣяться, что онъ измѣнится подъ вліяніемъ игры окружающихъ.

Послѣднее предположеніе сбылось. М. М. Петипа принялся работать надъ собой, и черезъ года два его нельзя было узнать.

Для салонной комедіи, а такая была тогда въ Александринскомъ театрѣ, Петипа оказался находкой. Его достоинствомъ было еще умѣніе носить костюмъ. У Петипа явилась тѣма поклонницъ, по количеству не уступавшая компаніи «мазинистокъ», т. е. почитательницъ тенора Мазини.

Это я отмѣтилъ мимоходомъ, такъ какъ и у непрекрасной половины успѣхъ М. М. Петипа былъ обезпеченъ. Онъ вошелъ въ репертуаръ и замѣнялъ потомъ Монахова.

Труппа Александринскаго театра мало-по-малу видоизмѣнялась по составу и усиливалась, ансамбль выигрывалъ.

Петипа разстался съ Александринской сценой въ цвѣтущую пору его дарованія. Почему онъ ушелъ и почему его отпустили, не берусь объяснить, но сожалѣлъ вмѣстѣ съ театрами объ этой потерѣ. Провинція ухватилась за М. М. Петипа, и до нынѣшнихъ дней онъ вездѣ желанный гость.

Очень скоро началъ выдвигаться Р. Б. Аполлонскій, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ пожаловалъ впервые Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ.

Съ Далматовымъ за годъ передъ тѣмъ мы познакомились въ Москвѣ, служили вмѣстѣ въ Пушкинскомъ театрѣ Бренко и бражничали вмѣстѣ. Я уговаривалъ его ѣхать въ Петербургъ, завѣряя, что, заручившись дебютомъ, онъ навѣрное будетъ принятъ и замѣнить въ цѣломъ рядѣ пьесъ Монахова. Далматовъ заболѣлъ, и мы разстались. Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Николая Антиповича Потѣхина, моего большого пріятели, которому восторженно говорилъ о Далматовѣ, прося сказать о немъ брату Алексѣю Антиповичу Потѣхину, вступившему въ управленіе русской труппой.

Нѣсколько разъ я ему напоминалъ, и Николай Потѣхинъ мнѣ сообщилъ наконецъ, что Далматову братъ его напишетъ.

Черезъ нѣсколько дней Н. А. Потѣхинъ извѣстилъ меня, что дебютъ Далматову разрѣшенъ.

Я сейчасъ телеграфировалъ Далматову, пріѣхавшему для переговоровъ и потомъ дебютировавшему.

Василій Пантелеймоновичъ, прикативъ въ первый разъ въ Петербургъ, остановился у меня. Я издавалъ театральнй журналъ «Театральнй Мірокъ».

Принять былъ всюду Далматовъ гостепрѣимно, за кулисами его встрѣтили товарищи по провинціи, приласкали его Потѣхины, прозвель онъ на всѣхъ выгодное впечатлѣніе.

— Кажется, отличный малый!—слышалось со всѣхъ сторонъ.— Интеллигентный, красивый, намъ такого надо.

Черезъ нѣсколько дней Далматова многіе называли просто Васей. По душѣ, что называется, человекъ пришелся.

Дебютировалъ онъ ролью Незнамова въ пьесѣ Островскаго «Безъ вины виноватые». Въ залѣ были налицо всѣ критики, актеры, литераторы.

Далматовъ струхнулъ при выходѣ, а мы, его друзья и доброжелатели, знавшіе отлично, что у него есть за кулисами недоброжелатели, струхнули за него еще больше.

Овладевъ собой, онъ, нужно сказать, штурмомъ взялъ успѣхъ и хорошій успѣхъ!

Гуляя я по коридору театра взволнованнымъ и прислушивался, что говорятъ.

Одобрятъ! Пріемъ Далматова въ труппу, несмотря на дальнѣйшіе дебюты, представлялся совершившимся фактомъ.

Николай Потѣхинъ, который любилъ все преувеличить, говорилъ въ театрѣ, что Далматовъ будетъ принятъ. Понравился, и рѣшено принять... братъ его хвалилъ.

Я былъ счастливъ, что дѣло Далматова слаживается, словно вопросъ касался меня самого. Далматовъ перебрался въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ зачислился въ неизмѣнные петербуржцы. Покинулъ онъ Александринскій театръ, погостилъ въ Маломъ театрѣ у А. С. Суворина, но опять возвратился домой.

Я думаю, что о Далматовѣ мнѣ больше говорить не приходится. Я говорилъ о юномъ Василии Пантелеймоновичѣ, о тогдашнемъ Далматовѣ, а нынѣшній самъ за себя говорить.

Крупная выросла фигура, въ чемъ я былъ давнымъ-давно убѣжденъ.

Кто-то изъ озлобленныхъ поэтовъ, едва ли не Абракадабра(актеръ Смирновъ) сочинилъ экспромтъ:

Въ искусствѣ русскомъ мы не разъ
Встрѣчали храбрыхъ акробатовъ!
Судьба вознаградила насъ:
Пріѣхаль изъ Москвы Далматовъ.

«Очень видный и въ шинели!» необыкновенно серьезно сказалъ про Далматова покойный театраль, извѣстный библиофилъ и бытописатель М. И. Пыляевъ.

Съ этой характеристикой, краткой, но яркой, носился потомъ другъ и по внѣшности почти двойникъ Пыляева—М. П. Федоровъ.

— Значить, человекъ со средствами!—добавилъ Федоровъ.— Очень пріятно, если онъ сдѣлается постояннымъ посѣтителемъ «Малаго Ярославца»...

Въ тѣ годы актеры и журналисты собирались ежедневно въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ», совсѣмъ какъ нынѣ въ «Вѣнѣ», съ той разницей, что тогдашніе журналисты держали себя прилично и стульевъ не ломали.

Извиняюсь передъ читателями, что я вспоминаю о моихъ встрѣчахъ въ Александринскомъ театрѣ безъ хронологическаго порядка: говоришь о томъ, что видѣлъ и слышалъ лѣтъ тридцать—тридцать пять, легко было бы напутать хронологію.

А. А. Плещеевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

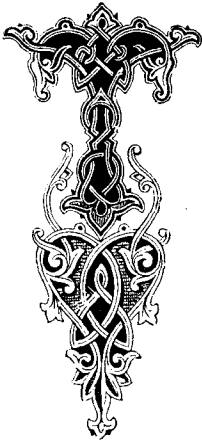

ЗА КУЛИСАМИ.

(Встрѣчи и воспоминанія ¹⁾).

Александринскій театръ.

РУШКА Александринскаго театра, прежде совершенно замкнутая, ограниченная, мало-по-малу разрасталась, особливо съ восьмидесятихъ годовъ, съ назначеніемъ управляющимъ Алексѣя Антиповича Потѣхина, а директоромъ Ивана Александровича Всеволожскаго.

Удалось послѣ долгихъ стараній проскользнуть въ Александринскій театръ актеру Александру Трофимовичу Трофимову, комику, безызвѣстному драматургу, автору жанровыхъ картинокъ «На Пескахъ» и др., а также—разсказовъ, помѣщавшихся въ «субботникахъ» въ «Новомъ Времени» и разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Трофимовъ долго мотался по частнымъ сценамъ, гдѣ приобрѣлъ имя, какъ актеръ, грѣшившій нѣсколько утрировкой.

Для комическихъ ролей Александра Трофимовича природа надѣлила счастливой внѣшностью. Онъ былъ худъ, какъ спичка, и имѣлъ необыкновенно длинный носъ, насчетъ котораго актеры острили, говоря, напримѣръ, что съ такимъ носомъ можно плавать безъ руля и пр.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХІ, стр. 433.

Трофимова это справедливо задѣвало, онъ сердился и рѣзко обрѣзалъ шутниковъ.

— Воображаютъ, что остроумно!—злился онъ.

На сценѣ Трофимовъ былъ забавенъ, смѣшенъ, создавая весьма разнообразные типы. Чиновники всѣхъ ранговъ наиболѣе ему удавались.

Кто-то изъ второстепенныхъ авторовъ, увидавъ Трофимова, просилъ играть въ его пьесѣ и специально для него ремарку «полный» замѣнилъ «худощавый».

До своего актерства Трофимовъ едва ли не служилъ въ конторѣ театровъ, хотя утверждать не берусь. Одинъ или два сезона онъ былъ режиссеромъ въ Ораніенбаумскомъ театрѣ, гдѣ замѣнилъ А. Е. Осокина, служащаго теперь въ Александринскомъ театрѣ.

На гастроли пріѣзжалъ однажды изъ Москвы знаменитый Сергѣй Васильевичъ Шумскій, котораго я смотрѣлъ въ комедіи Островскаго «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», гдѣ онъ изображалъ стараго чиновника.

Принимали его восторженно, фигуру давалъ поразительную.

Елесю игралъ Сазоновъ, котораго Шумскій очень хвалилъ и даже звалъ въ Москву, какъ рассказывалъ мнѣ самъ Сазоновъ. Москва Сазонова увидѣла лѣтъ черезъ двадцать пять, незадолго до смерти, на частной сценѣ. Шумскій давнымъ-давно тогда былъ въ могилѣ.

Изъ петербургскихъ актеровъ Шумскій дружилъ съ Монаховымъ, сходясь съ нимъ во взглядахъ на бытовой репертуаръ.

— Какой шумъ!—сказалъ московскій актеръ Сазонову, когда упалъ занавѣсъ.

— Иначе и быть не могло,—нашелся Сазоновъ: —Шумскій играетъ.

Сазоновъ былъ счастливъ, что игралъ съ Шумскимъ, и рассказывалъ объ этомъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Вспоминалъ онъ и про спектакли съ участіемъ другого московскаго колосса Прова Михайловича Садовскаго, пріѣзжавшаго лѣтомъ и выступавшаго въ заколоченномъ нынѣ Каменноостровскомъ театрѣ. Не могу теперь установить, но слышалъ отъ Сазонова, что игралъ онъ еще съ В. И. Живокини, а гдѣ—не знаю. Юный Сазоновъ снятъ на портретъ съ Живокини.

Московскій Малый театръ стоялъ тогда на такой высотѣ, что участіе мѣстныхъ корифеевъ въ Петербургѣ являлось крупнѣйшимъ событіемъ въ театральной жизни. Молодежь благоговѣла предъ славными стариками.

Изъ крупныхъ актеровъ Александринской сцены въ памяти моей запечатлѣлся Василій Ивановичъ Виноградовъ, котораго мнѣ случалось встрѣчать лично и видѣть исключительно въ комическихъ роляхъ.

Тучный, спокойный, на вид неуклюжий, Василий Иванович на сценѣ оживалъ, заливался раскатистымъ, сдавленнымъ смѣхомъ.

Актеры болтали, что Виноградовъ въ молодости былъ банщикомъ гдѣ-то въ провинціи; тѣмъ больше чести ему, что онъ выбился на дорогу и приобрѣлъ громкое имя.

Культурностью Виноградовъ дѣйствительно не отличался, несмотря на то, что хотѣлъ казаться человѣкомъ вида выдавшимъ и все знавшимъ.

Заговорятъ о винахъ — онъ тонкій цѣнитель, о сигарахъ — онъ первый знатокъ, объ умѣніи одѣваться — и тутъ онъ специалистъ.

Смерть Виноградова была очень чувствительной для труппы Александринскаго театра. Онъ служилъ одновременно съ В. В. Самойловымъ, и, случалось, разыгрывали вмѣстѣ фарсы. Что они дѣлали, напримѣръ, въ шуткѣ «Мужья одолѣли!» Виноградовъ — чиновникъ, Самойловъ — нѣмецъ. Театръ умиралъ съ хохоту.

Виноградовъ игралъ и драматическія роли, хотя, по характеру таланта, былъ болѣе комикомъ.

Мрачно смотрѣлъ актеръ Павелъ Малышевъ, съ которымъ въ началѣ карьеры носилось начальство, какъ съ восходящей звѣздой, а потомъ совсѣмъ забыли его и не давали ролей. Невзирая на прекрасныя душевныя качества, Малышевъ представлялся озлобленнымъ, но доброжелательность его къ товарищамъ оставила по немъ свѣтлую память. Александринскую сцену онъ въ сердцахъ называлъ болотомъ, гдѣ гибнуть люди, гдѣ душить чиновничій режимъ. «Бѣжать надо отсюда, а не стремиться сюда! я самъ бы убѣжалъ!» говорилъ онъ мнѣ, во время репетиціи, отведя въ сторонку.

Жена Малышева тоже служила на сценѣ, играя *grandes dames*.

Въ мое время Малышевъ представлялъ собой полезность, недурно игралъ купцовъ, но не выдѣлялся. Заурядный актеръ съ охрипшимъ голосомъ. Ему сначала не повезло, и нота презрѣнія къ начальству и неудовлетворенности всегда звучала у него въ разговорѣ.

Не привился на почвѣ Александринскаго театра покойный Александръ Павловичъ Ленскій, который игралъ здѣсь продолжительное время, но, не встрѣтивъ той оцѣнки и того сочувствія, которыми пользовался ранѣе, а также въ Москвѣ, снова переехалъ на старое мѣсто

Душа у него не лежала къ Петербургу, но тутъ у него былъ старинный другъ К. А. Варламовъ, съ которымъ они вмѣстѣ жили.

Самый первый прїѣздъ Александра Павловича въ Петербургъ на гастроли въ Ораніенбаумскій театръ былъ для него необыкновенно счастливымъ: онъ увлекъ публику, которая въ дни его гастролей наполняла театръ.

Въ Мольеровскомъ «Донъ-Жуанѣ» онъ имѣлъ огромный успѣхъ, хотя между нимъ и окружавшими его чувствовалась разница:

Ленскій читаль роль по-московски, въ какомъ-то особенномъ тонѣ, съ легкой пѣвучестью.

Этотъ тонъ Ленскаго шелъ въ разрѣзъ и съ говоромъ актеровъ Александринскаго театра, что отмѣчали не разъ и въ печати. Все говорило на одинаковомъ хорошемъ русскомъ языкѣ, но рѣчь Ленскаго отличалась отъ общей рѣчи. У Федотовой, у Ермоловой читка мнѣ всегда напоминала Ленскаго. Какая-то тягучая московская манера говорить, симпатичная, но чуждая намъ, петербуржцамъ.

Ленскій, будучи художникомъ, всегда останавливалъ вниманіе зрителя на типичномъ гримѣ, едва ли не самомъ талантливомъ и удачномъ послѣ самойловскихъ типовъ.

Въ Петербургѣ Александръ Павловичъ былъ домоѣдомъ и рѣдко-рѣдко, бывало, его гдѣ-нибудь встрѣтишь, кромѣ кулисъ.

Не могу объяснить, почему Ленскому не повезло въ Петербургѣ, почему онъ очутился въ тѣни въ Александринскомъ театрѣ, и имя его начинало утрачивать прошлую популярность.

Большимъ актеромъ Александръ Павловичъ никогда не былъ, оставаясь, при своемъ красивомъ дарованіи, актеромъ детальной, ажурной, сказала бы я, работы. Выдавался онъ больше за послѣдніе годы въ концертѣ труппы Малаго московскаго театра, гдѣ превосходно игралъ уже стариковъ. Петербургъ любилъ и любить москвичей, но Ленскаго, превратившагося въ петербуржца, онъ не оцѣнилъ.

Москва снова заключила въ объятія дорогого ренегата и не измѣняла ему въ своихъ симпатіяхъ до его смерти.

Ленскій умеръ при печальныхъ обстоятельствахъ, меньше году назадъ. Онъ былъ главнымъ режиссеромъ Малаго театра, горячо борясь за сохраненіе традицій родного храма, вскормившаго его.

Тутъ Ленскому начали бросать палки въ колеса, интриговать противъ него (кто? на этотъ вопросъ обязаны со временемъ отвѣтить его истинные друзья, которымъ дорого имя Ленскаго, дорога правда).

Подъ предлогомъ болѣзни Ленскій ушелъ изъ театра и напечаталъ объявленіе объ открытіи драматическихъ курсовъ.

Вѣдный Ленскій! разлука съ любимой сценой его совсѣмъ подкосила. Онъ скончался.

На двухъ сценахъ—московской и петербургской—уживался куда болѣе удачно Федоръ Петровичъ Горевъ. Послѣ первыхъ дебютовъ, о которыхъ я уже говорилъ въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ, Горевъ снова очутился въ провинціи, а потомъ вторично пріѣхалъ дебютировать и поступилъ, наконецъ, въ труппу.

Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ съ радующемъ, и публика зачислила его въ число своихъ любимцевъ. Федоръ Петровичъ быстро ориентировался, завелъ знакомства и былъ вполне удовлетворенъ.

Неизвѣстно почему, онъ толкнулся въ Москву, служилъ тамъ, изъ Москвы опять перевелся въ Петербургъ, изъ Петербурга опять

въ Москву, изъ Москвы опять въ провинцію и на частныя сцены... Затѣмъ снова въ старое гнѣздо, въ Малый театръ.

Цѣлая одиссея этого непосѣды.

Горевъ явился въ Петербургъ съ солиднымъ багажомъ переигранныхъ ролей въ провинціи.

По многу разъ онъ игралъ эти роли, но рѣдко бывалъ въ нихъ твердь.

Александринскій театръ имѣлъ на него благотворное вліяніе, приучивъ больше работать. Я говорю «больше» потому, что этотъ богато одаренный человѣкъ работалъ все-таки мало и бралъ своимъ захватывающимъ темпераментомъ, своимъ музыкальнымъ голосомъ. Въ игрѣ его недоставало выдержки, цѣльности, но вспышки въ отдѣльных сценахъ заставляли забывать все. Одна какая-нибудь сцена, горячій моментъ, и общій подъемъ въ залѣ.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною исполнителей въ хорошей, жизненной пьесѣ Луки Антропова «Блуждающіе огни» никто не игралъ такъ безвольнаго Макса, какъ Горевъ. За сердце бралъ. А Жадовъ въ «Доходномъ мѣстѣ»! Кто могъ сравниться съ Горевымъ, дававшимъ прямо художественное настроеніе, хотя бы въ сценѣ въ трактирѣ. Чувства, искренности, простоты Горевской ни у кого въ то время не было.

По случайности, одновременно съ вторичными дебютами Горева, совпали дебюты другого актера, считавшагося въ провинціи кумиромъ — М. Т. Иванова-Козельскаго.

Его произвели, судя по репутаціи, въ шекспириста.

Увѣряли, что въ «Гамлетѣ» этотъ кумиръ чудеса творилъ. Игралъ онъ трагедію Шекспира по разнымъ переводамъ и экземпляръ, который я видѣлъ у суфлера, напоминалъ пестрое, мѣщанское одѣяло: кусочки и кусочки.

— Гервинуса наизусть знаетъ!—говорили актеры про М. Т. Иванова-Козельскаго,—и еще много источниковъ изучалъ!

Съ Гервинусомъ просто надоѣли!

Возбуждался вопросъ, кого принять: Горева или Иванова-Козельскаго. Обоихъ посмотреть хотѣли.

Присутствовалъ я въ Александринскомъ театрѣ на дебютѣ Иванова-Козельскаго въ «Гамлетѣ» и жаждалъ познакомиться съ игрой «нутромъ». Увѣряли, что, кромѣ изученія, этотъ Гамлетъ бралъ нутромъ.

Слабый былъ Гамлетъ, и Аверкіевъ, писавшій театральные фельетоны въ «Голосѣ» Краевского, имѣлъ мужество, не считаясь съ высокой репутаціей дебютанта, написать, что это былъ не Гамлетъ, а Андриюшка Бѣлугинъ, нарядившійся на святкахъ Гамлетомъ.

Неумѣніе носить костюмъ, грубыя манеры, никакого захвата. Въ концѣ трагедіи еще неудача: при паденіи у него соскочилъ парикъ.

Ивановъ-Козельскій отличался любознательностью, неустанно работалъ надъ собой. Актеры увѣряли, что онъ выбился изъ писарей. Честь и слава ему, что онъ, работая надъ собой и своимъ дарованіемъ, достигъ виднаго положенія на сценѣ. М. Т. Ивановъ-Козельскій былъ по преимуществу бытовымъ актеромъ, и, напри- мѣръ, прекрасно игралъ Василькова въ «Бѣшеныхъ деньгахъ», хорошъ былъ въ роли Андрея въ «Женитьбѣ Бѣлугина», хотя не возвышался въ ней до Сазонова.

Чѣмъ же объяснить громадную популярность въ провинціи Ивана- нова-Козельскаго даже въ классическихъ роляхъ? Его буквально на рукахъ носили и высоко почитали.

Секретъ этого успѣха надо было искать главнымъ образомъ въ трудѣ Иванова-Козельскаго, въ его безупречной отдѣлкѣ ролей, изученіи ихъ, поскольку позволяли силы.

Передъ публикой былъ актеръ, дѣло дѣлающій и не рассчитывающій только на свои способности, какъ большинство изъ его сверстниковъ.

Добросовѣстность Иванова-Козельскаго бросалась въ глаза.

Тонъ его игры мнѣ не нравился, онъ отличался нитьемъ, при- ростью.

Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ не привьется на столичной сценѣ, да такъ оно и вышло.

Не могъ Ивановъ-Козельскій, имѣя въ своемъ репертуарѣ нѣ- сколько прекрасныхъ ролей, тягаться съ Н. О. Сазоновымъ, яр- кимъ, выдающимся актеромъ, сочетавшимъ, примѣрно, въ роли Андрея Бѣлугина высокій драматическій подъемъ съ искреннимъ, наивнымъ комическимъ талантомъ.

Ивановъ-Козельскій остался бы на Александринской сценѣ въ тѣни, или ему пришлось бы примириться съ ролью дублера, что было бы для него ударомъ послѣ триумфовъ въ провинціи.

Онъ предпочелъ провинцію, гдѣ съ годами ему везло уже не такъ, какъ прежде, и онъ переставалъ дѣлать сборы.

До какой степени любили въ провинціи М. Т. Иванова-Козель- скаго, можно судить по тому, что ему въ то время платили исклю- чительные, непопулярные оклады.

Для классическихъ, костюмныхъ ролей у него не было ни вѣшности, ни манеры, ни изящества, ни достаточной силы.

— Теплоота, душевность у него!—слышалъ я объ Ивановѣ-Ко- зельскомъ отъ его многочисленныхъ почитателей.

Съ теплотой и душевностью, однако, за все братья нельзя, этихъ качествъ недостаточно.

Знаменитое «нутро» покойнаго артиста тоже не захватывало глу- боко.

Дебюты его на петербургской сценѣ сенсациі не вызвали. Пе- тербуржцы восторгались имъ, когда видѣли его въ бытовыхъ ро-

ляхъ на сценѣ открывшагося въ 1876 году въ Павловскѣ театра, гдѣ онъ въ молодые годы дѣйствительно выдвигался.

Но когда онъ былъ лучше, интереснѣе—въ Павловскѣ или, много лѣтъ спустя, на Александринской сценѣ? Конечно, въ Павловскѣ.

Я вовсе не отрицаю талантиности Иванова-Козельскаго, но онъ неумѣло примѣнялъ ее, стремясь къ непосильному для него репертуару.

Въ провинціи народилось немало подражателей Иванова-Козельскаго, старавшихся усвоить ноющій, плаксивый тонъ его игры.

Въ отношеніи примѣрной сценической работы онъ явился для провинціального актерства образцомъ безусловно выдающимся.

Пошади онъ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности на свою дорогу, ограничиваясь бытовымъ репертуаромъ, онъ бы достигъ не такихъ результатовъ. Но тогда актеры любили гамлетничать и играть въ Росси и Сальвини.

Видную, очень замѣтную и оставившую слѣды роль въ Александринскомъ театрѣ съ начала семидесятыхъ годовъ игралъ памятный еще петербуржцамъ Николай Федоровичъ Сазоновъ. Говорю о немъ, не только какъ объ актерѣ, но какъ о сценическомъ дѣятелѣ вообще, поработавшемъ на пользу русскаго театра.

Много я писалъ о Сазоновѣ и могу еще болѣе писать, не повторяясь: долготѣнія дружескія отношенія даютъ мнѣ эту возможность.

Сазоновъ искренно любилъ театръ, и Александринскій особенно, онъ считалъ его настолько своимъ, близкимъ ему, что то-сковалъ и радовался за него, безотносительно личныхъ интересовъ.

Любовь къ своему театру онъ подчеркивалъ очень часто и старался внушить ее молодому актерству.

Безъ воздуха Александринскаго театра Николай Федоровичъ не могъ бы существовать.

Онъ отлично понималъ, что для процвѣтанія театра не только нужно было учить, отдѣлывать роли и показывать свой талантъ, но необходимо гостепрѣимнѣе относиться къ литературѣ, сближаться съ ней, привлекать выдающихся драматурговъ, интересоваться критикой и пр.

Гдѣ мы чаще всего встрѣчали Сазонова? Въ литературныхъ кружкахъ. Его занимали всѣ вопросы театра и литературы. Это не было искательство рекламы и лишняго похвальнаго слова. Сазоновъ женился на извѣстной романисткѣ, только что блестяще дебютировавшей въ «Отечественныхъ Запискахъ», Софьѣ Ивановнѣ Смирновой.

Бракъ еще болѣе сблизилъ его съ литературной семьей, съ которой онъ не разставался всю жизнь.

Сколькихъ литераторовъ Сазоновъ склонялъ и уговаривалъ работать для театра, давать Александринскому театру пьесы!

Враги Сазонова за кулисами рассказывали, что онъ очень любилъ себя самого и горячо хлопоталъ во имя личныхъ интересовъ.

Желалъ бы я знать, кто на сценѣ не хлопочетъ о своихъ интересахъ? Только тотъ, кто ничего не ищетъ и не желаетъ итти впередъ. Не будете хлопотать—васъ съѣдятъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ Сазоновѣ, какъ въ зеркалѣ, отражались успѣхи и неудачи Александринскаго театра.

И себя онъ любилъ, но не больше, чѣмъ Александринскій театръ и службу ему.

Никто не скажетъ слова противъ сазоновской аккуратности, его образцоваго отношенія къ роли, къ репетиціи.

Такіе актеры даютъ тонъ дѣлу и поддерживаютъ этотъ тонъ, отступленіе отъ котораго влечетъ распушенность, разгильдяйство, поверхностное отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ. Увѣренъ, что враги Сазонова,—а у него ихъ было довольно,—подпишутся подъ моими строками о немъ?

Сазоновъ прошелъ тяжелую школу, былъ во дни юности признанъ за неспособнаго, гонялся за счастьемъ въ провинціи, пѣлъ въ опереткѣ и выработалъ изъ себя актера, занимавшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ Александринскаго театра.

— Сазоновъ еще уйдетъ далеко!—сказалъ про него въ моемъ присутствіи А. Э. Писемскій, ожидавшій Сазонова въ его уборной подъ сценой Александринскаго театра.

Въ этотъ вечеръ шелъ «Вааль» Писемскаго, гдѣ Сазоновъ мастерски нарисовалъ типичнаго пройдоху-адвоката.

Съ завидной робостью, не уживающейся со смѣлостью нынѣшней молодежи, рѣшился Сазоновъ въ бенефисъ сыграть Чацкаго въ четвертомъ актѣ «Горе отъ ума».

Словно экзамень онъ держалъ, и вышелъ изъ испытанія отлично. Горячо, задорно, желчно прочелъ онъ монологъ, вызвавъ бурю въ театрѣ.

Разговоровъ было много, и за, и противъ новаго Чацкаго, но никто не отрицалъ большого шага впередъ, сдѣланнаго Николаемъ Федоровичемъ.

Я считаю, что съ этого вечера въ дѣятельности Сазонова наступилъ рѣзкій переломъ, его ободрилъ большой успѣхъ, и онъ еще усерднѣе прежняго принялся за работу, переигравъ десятки ролей и стараясь отдаляться отъ легкаго репертуара.

Разумѣется, такое стремленіе было неосуществимо вполне: репертуаръ слагался невыгодно, а отказываться отъ ролей было нельзя.

Однако Сазоновъ былъ полонъ исканій, намѣчалъ для себя роли, добивался ихъ, выбиралъ разборчиво пьесы для бенефисовъ и отмежевывалъ свое мѣсто на сценѣ,

Надо принять во вниманіе условія того времени, о которыхъ я упоминалъ уже, и не осуждать интеллигентныхъ актеровъ за неразборчивость пьесъ. Репертуаръ былъ ограниченный, часто пустынькій. Выдвинуться серьезному актеру представлялось труднѣе, не въ смыслѣ успѣха у публики, а въ смыслѣ личной его удовлетворенности. Если талантъ Сазонова не былъ первокласснымъ, то обработку этого таланта можно назвать совершенной.

Отчего гибнуть наши таланты? Не оттого ли въ большинствѣ случаевъ, что награжденные ими отъ природы самородки забываютъ о трудѣ, объ отдѣлкѣ, о шлифовкѣ талантовъ?

Что такое былъ знаменитый Кокленъ? Талантливый человекъ, одаренный вовсе не крупнымъ талантомъ, но какихъ результатовъ онъ достигъ! Это былъ французскій Сазоновъ, и мнѣ становилось обидно за русскаго актера, когда во время гастролей въ Петербургѣ Коклена критики, со свойственной имъ слабостью къ Европѣ, высказывали мнѣнія: пускай, молъ, наши поучатся у знаменитаго Коклена, нѣтъ у насъ подобнаго ему актера...

Кокленовъ въ тѣ времена въ Петербургѣ было немного, но Сазоновъ былъ имъ безспорно.

До Владимира Николаевича Давыдова Кокленъ никогда не поднимался. Объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ.

Я откровенно высказалъ свое мнѣніе Сазонову о Кокленѣ и о русскихъ актерахъ, способности которыхъ у насъ до сихъ поръ любить умолять передъ западными гастролерами.

Сазоновъ, помнится мнѣ, замаялся, отвѣтилъ, что находить для себя неудобнымъ высказываться по этому вопросу... конечно, по нашей російской скромности. Любимъ мы себя потоптать, принизить предъ иностранцами. Посмотрите, сколько замѣчательныхъ талантовъ открывали и открываютъ въ Михайловскомъ театрѣ!

А своихъ словно боимся выдвинуть, смѣлости часто не хватаетъ! Ну, да это старая исторія.

Незадолго передъ смертью Н. Θ. Сазоновъ, первый разъ за время своей службы въ императорскихъ театрахъ, сталъ жаловаться на невнимательное къ нему отношеніе, конечно, не со стороны самого директора, а со стороны непосредственнаго начальства по русской труппѣ.

Десятки лѣтъ никогда между Н. Θ. Сазоновымъ и дирекціей не бывало конфликтовъ, не бывало облачка недоразумѣній.

Это примѣръ далеко не эпидемическій.

Психологія запротестовавшаго Сазонова мнѣ представлялась ясной: онъ болѣлъ душой, что его начинали сдавать, безъ малѣйшаго основанія, въ архивъ. Онъ ждалъ, что высшее начальство само вступится за него, само подниметь голосъ, но В. А. Теляковскому многого не докладывали или же говорили о капризахъ Сазонова.

Капризовъ у него не было. Долго и подробно бесѣдовали мы съ Сазоновымъ по поводу какого-то неожиданнаго тормоза въ его дѣятельности на склонѣ лѣтъ, но во дни полнаго расцвѣта его симпатичнаго таланта.

Въ свое время я обнародовалъ предсмертное письмо Н. О. Сазонова по поводу возводимыхъ на него поклеповъ въ загражденіи дороги для молодежи и пр.

— Вы меня слишкомъ хорошо и давно знаете, — жаловался мнѣ Николай Оедоровичъ, — и знаете, способенъ ли я на это?

Я зналъ Николая Оедоровича и помню аналогичныя примѣры, когда большимъ актерамъ Александринскаго театра бросали палки въ колеса. Развѣ не собирались уходить Савина, Давыдовъ, развѣ не уходилъ Далматовъ, развѣ не ушли Петипа и Киселевскій?

Сазоновъ оказался терпѣливѣе ихъ и не обострялъ своихъ отношеній съ дирекціей, а оскорбился наканунѣ смерти, а, можетъ быть, и смерть ускорили горькія разочарованія.

Чего, чего не поговаривали передъ смертью про Сазонова! Слышала я, что онъ сталъ плохо роли учить, плохо слышала суфлера.

Я не помню, не знаю случая, когда бы Сазоновъ позволилъ себѣ выйти на сцену, не зная роли.

Играя новыя роли на частныхъ сценахъ, чего не любятъ наши гастролеры, онъ всегда зналъ ихъ. Послѣдней новой ролью Сазонова была главная роль въ моей пьесѣ «Неврастеники», созданная Николаемъ Оедоровичемъ въ Павловскѣ, въ мѣстномъ театрѣ.

Спросите у его товарищей, какъ онъ ее зналъ и какъ отдѣлалъ.

Всѣ драматурги, ставившіе пьесы въ Александринскомъ театрѣ, засвидѣтельствуютъ, какъ пріятно, какъ дорого было имѣть за кулисами дѣло съ Сазоновымъ въ смыслѣ предупредительности съ его стороны, предупредительности заботливой, пожалуй, педагогичной, по отношенію авторовъ. Конечно, не одинъ Сазоновъ былъ такимъ, но встрѣчалось достаточно актеровъ совершенно равнодушныхъ къ драматургу, а попадались и завѣдомо невнимательные.

Въ исторіи Александринскаго театра послѣдней четверти прошлаго вѣка имя Сазонова займетъ не одну страницу.

Мы, очевидцы, современники Сазонова, обязаны это подчеркнуть.

За кулисами Александринскаго театра познакомился я съ Петромъ Михайловичемъ Медвѣдевымъ, смѣнчившимъ, въ качествѣ руководителя труппы, если не ошибаюсь, А. А. Потѣхина.

Кто хоть немного былъ близокъ къ русскому театру, тотъ зналъ, что въ провинціи есть знаменитый «Петръ Михайловичъ».

Волга его знала, а за Волгой — вся Россія. Такъ и величали его — просто «Петръ Михайловичъ».

Кто у него не переигралъ изъ корифеевъ русской сцены? Кого ни спросишь, бывало, начиналъ у Петра Михайловича.

— Я, вѣдь, у Петра Михайловича служилъ!

Это былъ папаша русской провинціальной сцены второй половины девятнадцатаго вѣка.

Онъ самъ игралъ, но слава антрепренерства затемняла его славу, какъ актера. Въ качествѣ актера, Медвѣдева я увидѣлъ впервые, какъ это ни странно, едва ли не въ «Маскоттѣ», гдѣ онъ игралъ на сценѣ лѣтняго театра «Аркадія»—короля.

Плохо онъ игралъ, мямлилъ, тянулъ и совсѣмъ не былъ слышенъ. Незамѣтно промелькнулъ П. М. Медвѣдевъ и исчезъ съ петербургскаго горизонта.

Едва ли не по инициативѣ В. П. Погожева, управлявшаго конторою императорскихъ театровъ и впослѣдствіи автора ряда цѣнныхъ историческихъ изслѣдованій по театру, былъ приглашенъ на петербургскую сцену Медвѣдевъ въ качествѣ руководителя русской труппы.

Имя Петра Михайловича давало ему право занять эту должность, но подходилъ ли онъ къ ней?

Нѣтъ, онъ запоздалъ пожаловать въ Петербургъ. У него было большое чутье стараго театральнаго человѣка, но онъ не былъ человѣкомъ интеллигентнымъ, начитаннымъ, подготовленнымъ для новой роли.

Онъ даже по тому времени отсталъ отъ требованій образцовой сцены; онъ оказался довольно-таки безхарактернымъ, усталымъ человѣкомъ, отъ котораго проявленія самостоятельной инициативы ждать представлялось труднымъ.

Милый, обходительный, съ багажомъ воспоминаній и анекдотовъ, онъ былъ встрѣченъ актерствомъ съ почтеніемъ и радушіемъ.

Проникнуть Медвѣдевъ былъ благими пожеланіями, но пользы принести Александринскому театру не могъ.

Въ Петербургѣ Медвѣдевъ выдвинулся скорѣе какъ актеръ, преимущественно въ русскихъ пьесахъ. У него оказался мягкій, не яркій комизмъ, была простота.

Медвѣдева мы увидѣли на склонѣ лѣтъ, и смѣшно бы было требовать отъ него необычайнаго. Слишкомъ много пожертвовалъ онъ жизни для русскаго театра до пріѣзда своего въ Петербургъ, потрудился, и мнѣ Петръ Михайловичъ представлялся болѣе не современнымъ актеромъ, а исторической театральной фигурой, почтенной фигурой.

Его надо было пригласить въ труппу образцоваго театра за его заслуги, предоставить ему извѣстный почетъ, но ввѣрить ему труппу, ввѣрить сцену—было поздно. Тихо, спокойно поигрывалъ Петръ Михайловичъ и кончилъ здѣсь свои дни.

Пріятный, заслуженный былъ человѣкъ! Вотъ все, что могу сказать про него.

Спасибо ему за то, что онъ воспиталъ въ суровое для театра время легионъ выдающихся русскихъ актеровъ, отгадывая и выдвигая ихъ дарованія.

По сравненію съ нимъ, другіе антрепренеры провинціи были тогда мелки, незначительны.

Александринская сцена ему лавровъ не прибавила, да и онъ лично не украсилъ ее, но всякій помянетъ это добрымъ словомъ.

Изъ режиссеровъ Александринской сцены я довольно обстоятельно прослѣдилъ дѣятельность Ѳедора Александровича Ѳедорова-Юрковскаго. Онъ былъ сначала актеромъ, слылъ за образованнаго, корректнаго человѣка и полезнаго актера. Почему-то его обрели одно время на изображеніе евреевъ («Вааль» и др.).

Съ назначеніемъ его режиссеромъ, отъ него ждали многого, и актеры были довольны его назначеніемъ.

Когда всѣ довольны на сценѣ кѣмъ-нибудь—это не рекомендуетъ избранника. Говорю не про данный случай, а вообще, посколькѣ я наблюдаю.

Деликатный Ѳедоръ Александровичъ, какъ режиссеръ, отъ котораго въ тѣ времена не требовалось нынѣшней изобрѣтательности, не хваталъ звѣздъ съ неба и не портилъ ничего. Все обставлялось и ставилось аккуратно, примитивно, по тогдашнимъ требованіямъ прилично и умно. Давались указанія актерамъ, гдѣ стать, въ какія чверти уйти, гдѣ продлить паузу, какъ лучше загримироваться! Психологія пьесы или дѣйствующихъ лицъ, если таковая въ произведеніи имѣлась, не вызывала преній, исполнители пользовались свободой творчества.

Но вотъ что несомнѣнно: при прежней режиссурѣ, хотя бы такой, какъ Ѳедоровская, пьесы, игранныя тогда, шли не хуже, а порой и лучше, чѣмъ идутъ онѣ теперь.

Къ этому выводу совершенно искренне я прихожу въ переживаемое время, когда актера сплошь и рядомъ старается обезличить режиссеръ. Режиссеры были примитивны, творчество актера выигрывало, а не проигрывало.

Модернизация режиссера превращаетъ его теперь нерѣдко просто въ идіота, и весьма натурально, что растетъ протестъ актерства. При Ѳедоровѣ-Юрковскомъ на репетиціи его сотрудникомъ выступалъ авторъ, и пьесы налаживались.

Позднѣе мы встрѣтились въ томъ же Александринскомъ театрѣ съ Е. П. Карповымъ, который далеко ушелъ отъ примитивности былой постановки, но никогда не стремился заслонять актера или автора, стѣснять ихъ свободу.

Отличительная черта режиссеровъ конца прошлаго вѣка—сценическій опытъ, обстоятельное знакомство со сценой и личное участіе въ качествѣ актера. Нынѣшній театръ выдвигаетъ режиссеровъ-дилетантовъ, съ наскоку захватывающихъ власть на сценѣ и выступающихъ учителями.

Видѣлъ я постановки на Александринской сценѣ А. А. Яблочкина, Натарова, нынѣ здравствующаго Н. А. Корнева и др. Всѣ

занимались совмѣстно съ авторами и достигали благопріятныхъ результатовъ. Привѣтствуя желаніе каждаго режиссера идти впередъ, я не въ состояніи согласиться съ тѣмъ переворотомъ, который они учиняютъ на сценѣ.

Я былъ обрадованъ, когда въ разговорѣ съ В. Н. Давыдовымъ услышалъ отъ него протестъ противъ послѣдняго слова современныхъ режиссеровъ. Это былъ крикъ сердца нашего перваго актера. О. А. Оедоровъ-Юрковскій, образованный, культурный человѣкъ, отдыхающій теперь на покоѣ, поставилъ бы и въ данное время любую пьесу такъ, что авторъ ея не проигралъ бы.

При О. А. Оедоровѣ-Юрковскомъ поставлена въ Александринскомъ театрѣ первая большая пьеса А. П. Чехова «Ивановъ», чуть ли не въ бенефисъ самого режиссера. Въ постановкѣ этой принималъ участіе В. Н. Давыдовъ, ставившій пьесу въ Москвѣ, о чемъ скажу далѣе, и игравшій роль Иванова.

«Ивановъ» прошелъ съ настоящимъ успѣхомъ. Въ Александринскомъ театрѣ, когда я писалъ эти воспоминанія, какъ разъ заговорили о возобновленіи «Иванова».

Вотъ случай публикѣ, помнящей первое представленіе чеховской пьесы, провѣрить мое мнѣніе, что и безъ нынѣшнихъ режиссеровъ ставили литературныя произведенія такъ, что онѣ оставляли неизгладимое впечатлѣніе у зрителя. Помимо сотрудничества по постановкѣ «Иванова», В. Н. Давыдовъ, къ которому возвращусь, поставилъ потомъ двѣ пьесы при директорѣ театровъ С. М. Волконскомъ, а именно «Снѣгурочку» и «Школьныхъ товарищей». Послѣдняя пьеса поставлена мастерски, несмотря на то, что ее ставилъ не присяжный режиссеръ.

Для «Снѣгурочки» В. Н. Давыдову, случайно замѣнившему покинушаго Александринскій театръ Е. П. Карпова, дали трепанныя декораціи изъ Маринскаго театра, такіе же костюмы и даже начали съ каждымъ представленіемъ наводить экономію, умаляя число статистовъ, изображавшихъ народъ.

Съ такими средствами мудрено было достигъ желаннаго результата.

В. Н. Давыдовъ, являясь случайно режиссеромъ, въ послѣдующіе годы уклонялся отъ этой чести, любя глубоко актерское дѣло и не желая измѣнять ему ради даже временнаго режиссерства, не говоря уже о постоянномъ.

Эта роль не по душѣ Владимиру Николаевичу.

Только что упомянувъ имя Владимира Николаевича Давыдова, перваго изъ современныхъ актеровъ русской, а не только Александринской сцены, я хочу мимоходомъ вспомнить о первыхъ его шагахъ въ Петербургѣ, не касаясь текущей, славной его дѣятельности: она передъ нами.

Когда выступаетъ на сценѣ новый актеръ, дебютантъ, и имѣетъ успѣхъ, объ этомъ успѣхѣ говорятъ, имъ интересуются. Одни при-

вѣтствуютъ актера, другіе копаются въ его недостаткахъ, возникаютъ споры.

Когда блеснетъ на сценѣ истинный талантъ, публика хоромъ, какъ одинъ человѣкъ, его разгадаетъ.

Одной изъ первыхъ ролей В. Н. Давыдова былъ Бальзаминовъ. Я присутствовалъ на этомъ спектаклѣ.

Давыдовъ захватилъ публику, она почувяла, что передъ ней большой художникъ. Въ антрактѣ, послѣ настоящей оваціи, гулъ стоялъ въ залѣ Александринскаго театра.

Гудить, вся зала гудить! каждый желаетъ подѣлиться впечатлѣніемъ, провѣрить себя. Всѣ въ приподнятомъ состояніи — талантъ пришелъ! Дождались его.

Алексѣй и Николай Потѣхины торжествовали. Они давно кричали: «посмотрите, что это за актеръ».

Встрѣтилъ своего отца А. Н. Плещеева въ коридорѣ. Словно двѣсти тысячъ выигралъ.

Давыдовъ, Давыдовъ!—только и слышно.

Такъ встрѣчали Савину и Давыдова, такъ не восторгались Самойловымъ, Павломъ Васильевымъ, Шумскимъ, потому что ихъ знали и знали, что они дадутъ.

А тутъ съ неба упали таланты, пришли изъ какой-то провинціи, даже безъ патентовъ на знаменитость.

Не обошлось и безъ курьеза. Николай Антиповичъ Потѣхинъ, авторъ «Злобы дня», «Нищихъ духомъ» и другихъ пьесъ, любившій болтнуть для краснаго словца, кому-то сказалъ про Давыдова:

— Ученикъ мой!

Это передали Горбунову.

— Погодите, одинъ ли Николай Антиповичъ его учителемъ будетъ... у талантливыхъ людей ихъ всегда пропасть! откуда берутся! Безъ учителей ничего не выйдетъ...

Горбуновъ, со свойственной ему наблюдательностью, удивительно вѣрно подмѣтилъ, какъ около талантливаго человѣка вырастаетъ всегда толпа учителей, которымъ этотъ человѣкъ обязанъ больше, нежели собственному таланту.

Бываетъ и наоборотъ: «Я самойловскій ученикъ!»—говорилъ, бія себя въ грудь, бывшій актеръ Александринскаго театра Измайловъ.

Давыдовъ, изображая Бальзаминова, чуть-чуть пришепетывалъ. Ну, конечно, послѣ него къ этому прибѣгали всѣ исполнители этой роли.

Даже и такой рѣдкій талантъ, какъ нашъ Владимиръ Николаевичъ, въ силу тяжелаго режима Александринскаго театра покидалъ послѣдній. Онъ вступилъ въ труппу московскаго театра Корша.

Въ Москвѣ онъ особенно сблизился съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ, бывавшимъ тамъ за кулисами.

Однажды застѣнчивый по натурѣ Чеховъ, послѣ долгихъ колебаній, сунулъ въ карманъ Давыдова рукопись и исчезъ, прося потомъ ознакомиться съ ней. Это была пьеса Чехова «Ивановъ», отъ которой Давыдовъ пришелъ въ восторгъ. Онъ полетѣлъ къ Чехову и уломалъ его, склонивъ къ постановкѣ «Иванова» въ свой бенефисъ.

Успѣхъ, какъ свидѣтельствуешь мнѣ В. Н. Давыдовъ, былъ неописуемый.

— Не забуду пріема, оказаннаго московской публикой «Иванову»,—говоритъ Давыдовъ.

Объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Горбуновѣ, сколько ни вспоминаю, всего не припомнишь. Поговоришь, бывало, съ нимъ, и хочется занести разговоръ въ записную книжку, а Горбуновъ этого не любилъ.

— Обличишь?—спрашивалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Участвовали сегодня, Иванъ Ѳедоровичъ, въ концертѣ?

— Съ приказчикомъ.

— Съ какимъ?

— Съ Павломъ Вейнбергомъ... Будь, говорить, хозяиномъ... куда ты, туда и я. А вотъ у меня другой приказчикъ плачетъ... безъ работы Де-Лазари-Константиновъ... вчера, говорить, что жъ ты меня забылъ!

Павель Исаевичъ Вейнбергъ, извѣстный рассказчикъ еврейскихъ сценъ и актеръ, впослѣдствіи былъ принятъ въ труппу Александринскаго театра. К. Н. де-Лазари служилъ ранѣе подъ фамиліей Константинова, пѣлъ цыганскіе романсы («Нищіе духомъ»), великолѣпно игралъ на гитарѣ и копировалъ живыхъ и мертвыхъ съ рѣдкимъ мастерствомъ.

Какъ-то Горбуновъ при мнѣ поссорился съ Константиновымъ. Горбуновъ ушелъ изъ ресторана.

— Чего я для него въ жизни не дѣлалъ и вотъ вамъ... самъ бываетъ у министровъ... что бы сказать: кого интересно послушать—это Константинова! Вѣдь онъ бы погибъ, если бы не я.

— Какъ погибъ?

— Не служилъ бы въ Александринскомъ театрѣ.

— Какъ такъ?

— Павель Степанычъ разсердился на него, видѣть его не хотѣлъ и не пускалъ къ себѣ.

— Какой Павель Степанычъ?

— Ѳедоровъ, начальникъ репертуара... бывало, разсердится, со свѣту сживетъ.

При этомъ Константиновъ передразнивалъ шамкающаго и шлепавшаго губами старика.

— Да вѣдь Ѳедоровъ Горбунова обожалъ.

— Разсердился и разлюбилъ...

— Какъ же вы его спасли?

— Прихожу къ Павлу Степанычу, а Горбуновъ у меня за дверями. Ну, что ты?—спрашиваетъ меня Павелъ Степановичъ.

— Горбуновъ бѣдный, смотрѣть жаль.

— А что съ нимъ такое?

— Убивается.

— Гдѣ?

— За дверями, Павелъ Степанычъ, стоитъ и горько плачетъ... даже на колѣни упалъ.

— Чего жъ онъ убивается?

— За что, говоритъ, Павелъ Степанычъ на меня прогнѣвался.

— Ну, пусть войдетъ!

И помирились.

Этотъ разговоръ, за достовѣрность котораго, конечно, ручаться не могу, записанъ мною полностью со словъ покойнаго К. Н. де-Лазари.

Горбуновъ-актеръ совершенно тушевался въ Александринскомъ театрѣ передъ Горбуновымъ-разсказчикомъ, тѣмъ не менѣе въ репертуарѣ Ивана Ѳедоровича, весьма ограниченномъ, были удачныя роли, какъ, на примѣръ, Ипполита въ «Не все коту масленица», сыгранная имъ въ бенефисъ, Кудряша въ «Грозѣ», Тугоуховскаго въ «Горе отъ ума», въ доброе старое время—трактирнаго слуги въ «Ревизорѣ» и др. Незадолго передъ смертью И. Ѳ. игралъ снова Кудряша, причемъ Варвару изображала его дочь Т. И. Горбунова. Этотъ выходъ незабвеннаго Горбунова не былъ такъ удаченъ, какъ въ болѣе молодые годы.

Странно было видѣть Ивана Ѳедоровича съ дочерью, игравшихъ влюбленныхъ. Объ этомъ друзья откровенно говорили Горбунову, а кто-то изъ рецензентовъ не постѣснялся даже напечатать. Съ корректностью такого замѣчанія согласиться не могу.

Для меня появленіе маститаго Горбунова въ этой роли представлялось вполне понятнымъ: онъ принесъ жертву въ пользу дочки, желая обставить ее возможно лучше. Ей почти не давали ролей, что угнетало Ивана Ѳедоровича.

Т. И. Горбунова дарованіемъ не обладала.

Долгіе годы съ афиши Александринскаго театра не сходило имя Ивана Ѳедоровича, какъ разсказчика.

«Г. Горбуновъ прочтетъ сцену своего сочиненія»—такъ гласила афиша. Публика по окончаніи пьесы не расходилась, ожидая появленія своего любимца. Съ перевальцемъ входилъ Иванъ Ѳедоровичъ, встрѣчаемый аплодисментами, останавливался, озирался кругомъ и послѣ паузы приступалъ къ разсказу.

Взрывы хохота не умолкали. Юморъ художника, равнаго которому въ области разсказа не было, доставлялъ высокое наслажденіе.

Мы счастливы, что были современниками такого великаго знатока русскаго народа, русскаго рѣчи и русскаго жизни.

Въ зрительномъ залѣ при встрѣчѣ Горбунова его называли не иначе, какъ «Иванъ Ѳедоровичъ».

Отъ дворцовъ до самыхъ скромныхъ квартирочъ литераторовъ и актеровъ, вездѣ рассказы Горбунова вызывали восторгъ.

Ивана Ѳедоровича всѣ любили и всѣ съ нимъ цѣловались, когда онъ подставлялъ по привычкѣ щеку, но это лобзаніе не останавливало разныхъ Гудушекъ говорить про Горбунова всякія мерзости. Выставляли его двуличнымъ и въ то же время сами двуличничали и подличали. Но это пустяки. Боже мой, чего не валилось на голову Горбунова.

Я думаю, многіе слышали, какъ одно время, желая, вѣроятно, нанести ударъ горбуновской популярности, стали говорить, что онъ едва ли не служить въ тайной полиціи.

Возможно, что поводомъ къ инсинуаціямъ послужила дружба Ивана Ѳедоровича съ бывшимъ тогда начальникомъ сыскной полиціи И. Д. Путилинымъ, умнымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ съ запасомъ характерныхъ рассказовъ.

Не знаю, слышалъ ли Горбуновъ о томъ, что про него говорили? Впрочемъ, про кого и чего не говорили въ театральнo-литературныхъ кружкахъ, переполненныхъ завистниками, не переживающими чужой славы.

Въ бытность мою на сценѣ началась медленная агонія «трагика».

Трагики кричали, «пускали мозги въ потолокъ», завывали, объявляя себя наслѣдниками Рыбакова, а Н. Х. Рыбаковъ самъ на старости отдалялся отъ этого ложнаго трагизма.

Въ труппѣ Александринскаго театра служилъ почтенный старикъ Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, гремѣвшій во дни оны какъ трагикъ. Въ послѣдніе годы жизни ему приходилось мало играть. Онъ пользовался почитаніемъ среди товарищей, которые не прочь были и вышутить его, пустить анекдотикъ.

— Какой случай-то вышелъ съ Леонидомъ Львовичемъ, — передавалъ кто-то изъ актеровъ... игралъ онъ трагедію, да какъ крикнетъ, а въ райкѣ отъ этого крика трагическаго кучеръ дремавшій проснулся и на весь театръ гаркнулъ: «стой! черти!» онъ думалъ, что лошади бунтуютъ.

По виѣшности Леонидъ Львовичъ выдѣлялся изъ толпы. Длинные серебристые волосы, смуглый цвѣтъ лица, гигантскій ростъ, зычный голосъ.

Добрякъ по натурѣ, Леонидовъ дружилъ съ труппой.

Его юбилей мы праздновали въ ресторанчикѣ «Медвѣдь», помѣщавшемся на мѣстѣ нынѣшняго ресторана того же названія; данъ былъ ужинъ, за которымъ я читалъ стихи, посвященные юбиляру. Было много балетныхъ артистовъ и драматическихъ, конечно. Присутствіе первыхъ объяснялось тѣмъ, что дочь Л. Л. Леонидова была замужемъ за М. И. Петица, знаменитымъ балетмейстеромъ.

Леонидовъ переигралъ множество переводныхъ пьесъ; у него были хорошія, казовыя роли, въ которыхъ онъ производилъ на толпу впечатлѣніе. Благородство манеръ и внѣшняя импозантность помогали Леониду Львовичу.

При господствовавшемъ тогда репертуарѣ такіе актеры, какъ Леонидъ Львовичъ, были необходимы.

Отъ всей фигуры Леонидова вѣяло чѣмъ-то добродушно-патріархальнымъ.

На юбилеѣ его человѣческія качества были подчеркнуты всѣми ораторами. Разумѣется, тормошили и леонидовскую славу, которая гремѣла въ его молодые годы. Мы, слушающіе стариковъ, понятно, вѣрили имъ.

Александринскій театръ сблизилъ меня съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Бурдинымъ.

Онъ считалъ себя и большимъ комикомъ, и большимъ драматическимъ актеромъ. Сегодня показывался Любимомъ Торцовымъ въ «Бѣдность не порокъ», завтра придурковатымъ кунцомъ Барбошевымъ въ комедіи тоже Островскаго «Правда хорошо, а счастье лучше».

Я самъ игралъ много разъ съ Бурдинымъ. Засталъ я его слабымъ на ноги, хватавшимся на сценѣ за одушевленные и неодушевленные предметы, чтобы не растянуться.

Дарованіемъ Богъ не наградилъ Бурдина, но онъ во всякомъ случаѣ не заслуживалъ того беспощаднаго лая, которымъ привѣтствовали его въ каждой новой роли рецензенты. Александринская публика не раздѣляла вполнѣ этихъ нападокъ, хотя и не считала Бурдина хорошимъ актеромъ. Его не любили за то еще, что онъ умѣлъ захватывать выдающіяся роли, преимущественно въ пьесахъ Островскаго, дружбой котораго онъ пользовался. Иногда самъ Александръ Николаевичъ, сознавалъ, что «Ѳеда» слабовать.

Въ бенефисы Бурдина шли пьесы Островскаго, по пріѣздѣ изъ Москвы Островскій читалъ у него новыя пьесы, распредѣляя совмѣстно роли.

Бурдинъ много вредилъ исполненію на Александринской сценѣ произведеній А. Н. Островскаго, но знаменитый драматургъ большею частью оставался доволенъ его игрой.

Бурдинъ былъ въ лѣтахъ, помимо слабости ногъ, онъ плохо говорилъ, мямлилъ, нижняя губа начинала плохо повиноваться.

Ѳедоръ Алексѣевичъ покинулъ наконецъ сцену, уѣхалъ въ Курскъ и дважды умеръ.

Одинъ разъ его похоронили при жизни и почтили лестными некрологами газеты, а въ другой разъ онъ дѣйствительно скончался — ходилъ анекдотъ, что Бурдинъ, будучи за границей, посѣтилъ могилу Тальма и написалъ на ней, что «тутъ былъ русскій Тальма — Бурдинъ».

Бурдинъ любилъ путешествовать, склонилъ къ поѣздкѣ по Европѣ юнаго Сазонова, который, проигравшись въ Монте-Карло, остался безъ копейки въ Италиі.

Бурдинъ же его и выручилъ изъ непріятнаго положенія, случайно встрѣтя на обратномъ пути на Ривьерѣ. Сазоновъ не зналъ, на что ему обѣдать и гдѣ жить, потому что въ отелѣ больше чѣмъ косились.

Талантливымъ актеромъ Ѳедора Алексѣевича Бурдина признали послѣ его мнимой смерти.

Онъ, слѣдовательно, дождался похвального слова.

Среди надежныхъ силъ мужского персонала труппы Александринскаго театра неизгладимо запечатлѣлись въ памяти моей Павелъ Матвѣевичъ Свободинъ и Модестъ Ивановичъ Писаревъ.

И тотъ и другой начитанные, образованные люди, посвящавшіе досуги литературѣ.

Свободинъ писалъ недурные стихи и рассказы. Оба они были желанными людьми въ литературныхъ кружкахъ, дружили съ молодежью и любили ее.

Модестъ Ивановичъ Писаревъ былъ человѣкъ необычайно мягкаго сердца, безхарактерный, почти безвольный, что совсѣмъ не гармонировало съ его богатырской фигурой. Съ молодыхъ лѣтъ онъ увлекался литературой и сценой, боготворилъ Островскаго и съ особой тщательностью, съ усердіемъ изучалъ его произведенія, проникаясь ихъ духомъ.

Какъ наблюдательный человѣкъ, знавшій близко русскую жизнь и русскаго человѣка, онъ чувствовалъ родственную связь съ людьми Островскаго, онъ любилъ ихъ и создалъ рядъ богатыхъ бытовыхъ и историческихъ фигуръ, каковы Красновъ, Несчастливцевъ, Рукаковъ, Дикой, Грозный, Ананій («Горькая судьбина» Писемскаго) и другіе.

Писаревъ былъ прежде всего бытовымъ актеромъ, котораго на жаргонѣ провинціального актерства называли «рубашечнымъ».

Увлекаясь иностранной классической литературой, Писаревъ все же тяготѣлъ душой къ своему, національному.

По наблюденіямъ и клятвамъ современныхъ драматурговъ-модернизаторовъ, быть отживаетъ или даже отжилъ свое время.

Это покушеніе съ негодными средствами на русскую жизнь, непониманіе и незнаніе ея! Съ дальней юности я дружилъ съ Модестомъ Ивановичемъ. За послѣдніе годы службы въ Александринскомъ театрѣ онъ увялъ, болѣлъ, постарѣлъ. Не такимъ онъ былъ, появившись въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Полиной Антоновной Стрелетовой, не такимъ помнить его Москва и провинція. Если сфера его таланта не была широкой, онъ въ этой сферѣ былъ богатыремъ.

То же можно сказать и про Стрелетову, во много разъ превосходившую Писарева по таланту. Не обильно было число ролей въ ея

репертуарѣ, но что мы переживали, что она дѣлала съ нашими нервами и сердцама, особливо въ молодые годы. Играла, какъ Рѣпинъ пишетъ, какъ Толстой говорить.

Тотъ не можетъ судить о Стрепетовой, кто засталъ ее во время послѣдняго возвращенія въ Александринскій театръ.

Это были остатки Стрепетовой, которую сразу обрели не на свое дѣло, заставивъ играть глуповатую помѣщицу, кажется, въ пьесѣ князя Сумбатова.

Возвращаюсь къ Писареву.

Игралъ онъ въ клубѣ художниковъ, который помѣщался на Дворцовой набережной, на углу Гагаринской, въ домѣ князя Волконскаго.

Послѣ спектакля Стрепетова уѣхала измученная домой, а мы небольшимъ кружкомъ ужинали. Центромъ вниманія былъ Писаревъ. Только что появилась восторженная статья Д. В. Аверкіева о немъ и о Стрепетовой. Рѣчь зашла объ Александринскомъ театрѣ.

— Служить въ Александринскомъ театрѣ лестно и пріятно, — говорилъ Писаревъ: — но я бы съ большимъ удовольствіемъ послужилъ въ народномъ театрѣ... Петербургу нуженъ народный театръ съ художественнымъ репертуаромъ. Дайте намъ народную аудиторію, она насъ пойметъ и оцѣнитъ по-своему.

— А сколько бы вамъ такой театръ могъ платить? — спросилъ кто-то изъ пріятелей Писарева.

— Безразлично... я бы именно туда пошелъ.

Въ этотъ моментъ показался Д. В. Аверкіевъ во фракѣ и съ биндюкомъ въ рукѣ. Онъ одинъ считалъ обязанностью появляться здѣсь во фракѣ.

— Дмитрій Васильевичъ, — обратился къ нему Писаревъ: — нуженъ Петербургу народный театръ?

— Нужно сначала, — хриплымъ, рѣзкимъ голосомъ отвѣчалъ Аверкіевъ: — чтобы Стрепетова и Писаревъ играли въ образцовомъ театрѣ.

Писаревъ нѣсколько разъ возвращался къ своей мысли о народномъ театрѣ, который ему рисовался болѣе образцовымъ, чѣмъ Александринскій въ смыслѣ репертуара.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло, возникли народные дома, но художественнаго репертуара Писаревъ, встанъ онъ изъ могилы, не нашелъ бы.

Модестъ Ивановичъ не разъ въ бесѣдахъ, когда мы вмѣстѣ служили въ московскомъ Пушкинскомъ театрѣ, говаривалъ, что къ Островскому никогда не ослабнетъ интересъ публики, что народятся театры Островскаго, — но ставьте его образцово.

Островскій не сходилъ съ языка Писарева; о чемъ бы онъ ни заговаривалъ, онъ возвращался къ Аполлону Григорьеву и сейчасъ же къ Островскому.

Незадолго передъ кончиною послѣднія силы Модестъ Ивановичъ отдалъ опять Островскому, любовно редактируя его сочиненія.

Въ Пушкинскомъ театрѣ, благодаря Писареву и Андрееву-Бурлаку, поставившимъ «Лѣсъ», не сходявшій съ репертуара, собиралъ Москву—Островскій.

Писаревыхъ было два: когда Модестъ Ивановичъ появлялся въ шиллеровской или въ шекспировской трагедіи—это былъ одинъ Писаревъ, умный, старательный, даровитый актеръ.

Въ бытовомъ репертуарѣ—это былъ Писаревъ, который десятью головами выше перваго.

Модестъ Ивановичъ еще со временъ московскаго университета и передовыхъ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ остался до гроба другомъ молодежи, бѣдности, протестовавшимъ противъ грубаго произвола, неправды и гонителей свободы.

На лестъ, на низкопоклонство, на созданіе себѣ протекціи онъ былъ неспособенъ.

Чистый былъ человекъ.

Ни въ какихъ партійныхъ, закулисныхъ спорахъ Писаревъ не участвовалъ.

Репутацію Павла Матвѣевича Свободина, не отрицая его безспорнаго таланта, я находилъ преувеличенной.

Его сравнивали съ В. Н. Давыдовымъ. Это несправедливо. Давыдовъ и передъ нимъ великанъ.

Разнообразность, сказалъ бы, раскиданность репертуара Свободина была широкая, но онъ повторялся, и въ галереѣ его созданий, среди которыхъ были—превосходныя, попадались шаблонныя.

Онъ давалъ много въ характерныхъ роляхъ съ темпераментомъ и проигрывалъ въ комическихъ, потому что сочнымъ комизмомъ не обладалъ.

Что привлекало въ Павлѣ Матвѣевичѣ Свободинѣ—это мягкость тоновъ, какое-то наивное добродушіе. Покойный артистъ отдѣлывалъ роли, отличаясь типичными гримами. Видѣлъ я его въ пьесахъ Толстого, Сухово-Кобылина, Островскаго, Чехова, Суворина, знаю его очень хорошія роли, помню ихъ, но онъ не былъ «большимъ» актеромъ.

Въ жизни, за кулисами Свободинъ казался мнѣ человекомъ со странностями, былъ общительнымъ, привѣтливымъ. Очувшись въ Петербургѣ, онъ примкнулъ къ литературнымъ кружкамъ, его влекло туда. Погибъ, какъ извѣстно, Павелъ Матвѣевичъ трагически: онъ умеръ во время спектакля, въ гримѣ, въ «Шутникахъ». Всѣ были потрясены этой страшною смертію.

— Тяжело умирать, а умереть легко!—говорилъ будто бы Свободинъ кому-то изъ товарищей за три дня до смерти. Павелъ Матвѣевичъ въ юности обучался въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ товарищи признавали его будущимъ Самойловымъ.

Не вѣрю я, что ты Свободинъ,
Коль ѣхать съ нами не свободенъ.

Такъ отвѣчалъ Свободину какой-то начинающій писатель, тщетно приглашавшій его слушать свою пьесу. Съ этими курьезными строками обращались, смѣясь, не разъ къ Свободину пріатели, если онъ почему-либо уклонялся отъ ихъ компаніи.

«Весной» Александринскаго театра называли первый годъ дѣятельности приглашеннаго завѣдывать труппой Алексѣя Антиповича Потѣхина. Въ дореформенную эпоху онъ перомъ работалъ въ пользу освобожденія.

Ждали, что и тутъ онъ поработаетъ за освобожденіе русской сцены отъ чиновничьей опеки. Въ самомъ дѣлѣ назначеніе литератора, добрая половина пьесъ котораго признавалась, по требованіямъ цензуры, вредной, было новымъ словомъ въ жизни Александринскаго театра. Закулисные наблюдатели задавали глубокомысленный вопросъ: Потѣхинъ превратится въ чиновника, или чиновники нарядятъ его въ вицъ-мундиръ?

Новый директоръ императорскихъ театровъ И. А. Всеволожской, новый управляющій труппой, литераторъ, приглашеніе въ литературно-театральный комитетъ литераторовъ съ именами замѣнь Юркевича и др., все указывало на новыя вѣянія.

А тутъ еще пронеслась вѣсть о свободѣ частныхъ театровъ, объ освобожденіи ихъ отъ уплаты дани дирекціи императорскихъ театровъ.

Алексѣй Антиповичъ съ первыхъ же шаговъ зарекомендовалъ себя упрямымъ, настойчивымъ человѣкомъ. Одни видѣли въ этомъ хорошій признакъ самостоятельности, другіе, наоборотъ, обрушились на его характеръ.

Какъ это ни странно, но наша братія, журналисты, съ первыхъ же дней управленія Потѣхина набросились на него, принялись вышучивать, порицать, негодовать.

Мотивы для этого были, но мы забывали одно, что и на солнцѣ есть пятна.

Грѣшенъ и я, что нѣтъ-нѣтъ, да поддавался вліянію хора потѣхинскихъ недоброжелателей, а иной разъ и завистниковъ.

Болѣе опредѣленное и уравновѣшенное мнѣніе о Потѣхинѣ у меня созрѣло по ликвидаціи его театральной дѣятельности.

Отрицательная часть его работы—неизмѣримо меньше положительной. Послѣдняя преобладаетъ. Труппа пополнялась и удачно и неудачно. Также и сокращалась. Репертуаръ Потѣхину видоизмѣнить кореннымъ образомъ нельзя было скоро, хотя онъ и стремился къ этому.

Въ труппу проскользнула, на примѣръ, съ любительской сцены очень эффектная, но бездарная г-жа Пашенко, которую выпускали въ хорошихъ роляхъ, въ ущербъ дѣлу.

Это была мишень для глумленія печати, правда, не всегда безусловно справедливаго; затѣмъ нападки переносились на дочь

Алексѣя Антиповича Р. А. Потѣхину, которая появлялась на столичныхъ сценахъ, на многое не претендовала, но была слаба и обнаруживала неясную читку.

Въ провинціи почитали за кумира актера В. В. Чарскаго, котораго пригласили въ Александринскій театрѣ.

Здѣсь Чарскій превратился въ неудачника: что бы онъ ни игралъ, начиная отъ классической роли и кончая пустынькой въ комедіи, театральная критика набрасывалась на него съ яростью, словно сговорившись. Публика оставалась равнодушной къ его игрѣ. Чарскому попадало отъ рецензентовъ и тогда, когда онъ этого не заслуживалъ.

Чтобы не потерять своего имени совсѣмъ, какъ я думаю, В. В. Чарскій опять удалился въ провинцію. У Чарскаго выгодная сценическая внѣшность, онъ высокій, голосъ сильный, но суховатый. Такимъ образомъ, пребываніе провинціального артиста не было удачнымъ въ Александринскомъ театрѣ.

Припоминаю еще нѣсколькихъ актеровъ образцовой сцены. Съ клубныхъ сценъ сюда перешелъ весьма способный и даровитый любитель К. П. Шкаринъ, принадлежавшій къ купеческому кругу и имѣвшій свою торговлю. Онъ исполнялъ всегда типично и оригинально народныя роли, мужиковъ, купчиковъ, приказчиковъ, и при томъ чаще второстепенныя роли.

Въ клубахъ Шкаринъ подвизался лѣтъ двадцать и всегда съ успѣхомъ, обращая вниманіе и публики и печати.

Александръ Семеновичъ Черновъ, недавно покинувшій Александринскій театрѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ восьмидесятихъ годахъ и былъ принятъ на сцену директоромъ И. А. Всеволожскимъ, который его зналъ лично. Всю свою службу онъ былъ полезнымъ членомъ труппы и, какъ корректный, воспитанный человекъ, пользовался неизмѣнными симпатіями товарищей. Онъ ушелъ съ казенной сцены два года назадъ и служить въ Москвѣ въ частномъ театрѣ.

Въ восьмидесятихъ годахъ Александринскій театрѣ насчитывалъ въ своей труппѣ трехъ опереточныхъ дѣвицъ, если не считать А. И. Абарину, поступившую въ оперу.

Пѣли Э. Д. Кронебергъ, М. М. Чернявская, жена провинціального актера И. Р. Чернявскаго, и г-жа Нелюбова. Маленькія роли въ опереткахъ исполняла Семенова.

Антонина Ивановна Абарина изъ оперы возвратилась въ Александринскій театрѣ и была хорошею комедійною актрисой, веселой и изящной. Съ годами она начала играть роли пожилыхъ женщинъ и преимущественно свѣтскихъ барынь, готовясь замѣнить Е. Н. Жулеву.

Антонина Ивановна была большой работницей и своего дарованія въ землю не зарывала. Карьеру ея прервалъ тяжкій недугъ: она скончалась отъ рака.

Больная, страдающая, за нѣсколько дней до смерти Антонина Ивановна мечтала еще о новыхъ роляхъ, о будущей службѣ.

Какъ пѣвица опереточная, А. И. Абаринова могла соперничать съ выдающимися парижскими артистками этого жанра. Антонина Ивановна была очень красивой. Оперетку она покинула, разсердившись на публику Александринскаго театра. Свидѣтелемъ этого происшествія я не былъ, не знаю точно, что ее обидѣло, а потому умалчиваю о причинѣ ухода артистки.

А. И. Абаринова часто путешествовала по Европѣ, интересовалась европейскими сценами, стараясь позаимствовать все выдающееся для своего театра.

Незадолго до смерти она путешествовала по Скандинавіи, посѣтила Ибсена, который радушно принялъ русскую актрису, рассказавшую ему много интереснаго для него объ исполненіи и постановкѣ его пьесъ въ Россіи.

Съ восторгомъ передавала мнѣ Абаринова объ этомъ свиданіи.

Въ труппѣ Александринскаго театра кончина А. И. Абариновой составила большой пробѣлъ. Съ возвращеніемъ туда Надежды Сергѣевны Васильевой, особливо послѣ смерти Екатерины Николаевны Жулевой, амплу какъ послѣдней, такъ и Абариновой нашло наконецъ замѣстительницу.

Надежда Сергѣевна Васильева, нынѣ удостоенная званія заслуженной артистки, дочь знаменитыхъ москвичей С. Васильева и Е. Н. Васильевой, украшавшихъ Малый театръ, начала карьеру на той же московской сценѣ, откуда въ 1878-мъ году переведена въ Петербургъ, она покидала временно Александринскій театръ и, къ стыду тогдашней дирекціи, не по своей волѣ: ее не удерживали. А потомъ пришлось повторить пословицу:—что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ.

Н. С. Васильеву не слѣдовало упускать, какъ талантливую актрису, какъ талантливую представительницу знаменитой театральной семьи, играющей роль въ исторіи нашего театра.

Дирекція, расставаясь съ Н. С. Васильевой, наградила ее прощальнымъ бенефисомъ и воспротивилась почему-то публичному чествованію Надежды Сергѣевны.

Публика настаивала, но занавѣсъ не подняли, руководствуясь, надо полагать, мелкими интригами и завистничествомъ.

Я не могу понять, не могу объяснить себѣ такихъ фактовъ, какъ никогда не пойму, что Александринскій театръ могъ разставаться съ В. В. Самойловымъ, съ В. Н. Давыдовымъ.

Н. С. Васильева возвратилась въ Александринскій театръ чрезъ два года.

Когда я вспомню прошлую четверть минувшаго вѣка и передо мной встаютъ, какъ тѣни, бывше дѣятели Александринской сцены, словно вижу обаятельную Екатерину Николаевну Жулеву.

Съ перваго дня знакомства, съ первой нашей встрѣчи за кулисами, когда меня представили ей, и до самой ея смерти, когда бы и гдѣ мы ни встрѣчались, я восторгался этой высокоуважаемой женщиной, не говоря объ ея нѣжномъ, благородномъ талантѣ, отъ котораго вѣяло старымъ барствомъ, дворянской семьей далекихъ лѣтъ.

Когда эта барыня сердилась, если ее чѣмъ-нибудь огорчали на сценѣ, она сердилась такъ добродушно, что гнѣвъ представлялся выговоромъ, адресованнымъ матерью по адресу обожаемыхъ дѣтей. Когда-то въ двухактной пьескѣ «Старое старится, молодое растетъ» играли Е. Н. Жулева и В. В. Самойловъ. Дуэтъ былъ чудный. Екатерина Николаевна все время ворчала на сценѣ, изображая старую барыню, Самойловъ ворчалъ, изображая стараго барина. Это «ворчанье» восторгало публику.

Однажды на какой-то репетиціи Жулева и Самойловъ заспорили.

— Что репетируютъ? «Старое старится»?—спросилъ тихо вошедшій на сцену В. А. Крыловъ.

Дѣйствительно, они словно повторяли сцену изъ комедіи. Екатерина Николаевна любила возвращаться въ разговорахъ къ пролетѣвшему времени, къ своимъ далекимъ встрѣчамъ съ литераторами и актерами, вспоминая о нихъ, какъ о близкой роднѣ. Величавая, добрая барыня, несмотря на преклонный возрастъ, вносила съ собой на сцену бодрость духа. Вы, нынѣшнія, нутко!—рвалось съ языка при видѣ ея.

Славная, поэтичная, барственная старость въ лицѣ ея какъ будто исчезла со сцены.

Искусство незабвенной актрисы чаровало мягкими, тургеневскими тонами. Бабушка русской сцены пользовалась глубокимъ уваженіемъ всего актерства и за свою привѣтливость, за свою ласку.

Какъ она любила свой театр!

Врачи настаивали на покоѣ, а старческое сердце усиленно билось при одномъ воспоминаніи о сценѣ. Екатерина Николаевна начала, не считаясь съ болѣзненнымъ состояніемъ, снова, отъ времени до времени, появляться на сценѣ.

Послѣднія вспышки таланта скоро угасли, и Екатерины Николаевны не стало.

Когда мнѣ приходится слышать упоминаніе о традиціяхъ Александринскаго театра, я спрашиваю: въ чемъ выражаются эти традиціи?

Въ той искренней заботѣ стариковъ о процвѣтаніи успѣха любимаго дѣла, объ охранѣ хорошихъ обычаевъ, которую завѣщали имъ предшественники. Жулева хранила эти традиціи, какъ и многіе ея товарищи. Каково бы ни было это наслѣдство, но будущее лишь покажетъ, бережно ли къ нему отнеслась молодежь двадцатаго вѣка, желающая пересоздать русскій театръ, или она смететъ традиціи, какъ паутину сцены, какъ нѣчто архаическое.

На моихъ глазахъ въ Александринскомъ театрѣ прошла вереница актрисъ. Если не всѣхъ, то многихъ изъ нихъ, хочется вспомнить, хотя бы мимолетно. Я засталъ тамъ А. М. Читау, которая мнѣ памятна особенно въ «Злобѣ дня» Н. А. Потѣхина въ роли матери Градищевой, родовитой аристократки. Артистически справлялась она съ этой довольно ходульной ролью, и въ сценѣ объясненія съ будущимъ женихомъ дочери, когда съ ней дѣлается истерика, захватывала театръ.

И въ совершенно противоположныхъ характерныхъ роляхъ старухъ, большею частью драматическихъ, Читау давала типичные образы.

Громова, Сабурова, Александрова, неувядаемая до сихъ поръ В. В. Стрѣльская, Левкѣвы—старая и молодая, какъ ихъ тогда называли, М. М. Глѣбова, А. И. Дюжикова, Н. Е. Хлѣбникова, А. З. Тютрюмова, подававшая большія надежды, но быстро покинувшая сцену Литвинова, А. А. Яблочкина-Журина, О. Д. Лолла, поступившая послѣ успѣшныхъ дебютовъ на клубныхъ сценахъ и закончившая трагически карьеру въ провинціи и др.

Нынѣшняя А. А. Немирова-Ральфъ, супруга извѣстнаго актера Ральфа, обвинявшагося въ двоеженствѣ, начинала выдвигаться какъ первая драматическая актриса въ провинціи.

Дебютировала въ Александринскомъ театрѣ Е. Н. Горева, о которой шумѣли лѣтъ двадцать пять назадъ до сумасшествія. Десятки именъ, которыхъ не припомнишь! Служилъ въ Александринскомъ театрѣ, но совсѣмъ безуспѣшно одинъ или два сезона П. Н. Соловцовъ, впослѣдствіи извѣстнѣйшій антрепренеръ, основавшійся въ Кіевѣ. Послѣ неоднократныхъ попытокъ зачислили въ труппу Г. Н. Стремлянова, отца М. Г. Савиной.

Дочь будто бы сначала противилась до поры до времени его поступленію, по той разумной причинѣ, чтобы не заслуживать упрека товарищей, которые могли бы сказать, что она протаскиваетъ свою родню.

За кулисами Александринскаго театра были популярны двѣ личности, здравствующія и нынѣ. Они не принадлежали къ актерской средѣ. Я говорю о библіотекарѣ А. Х. Мозерѣ и секретарѣ театральна-литературнаго комитета, а прежде второмъ режиссерѣ А. П. Шталѣ.

Мозеръ первый въ Россіи занялся лигрографированіемъ и распространеніемъ пьесъ, шедшихъ въ Александринскомъ театрѣ. Тогда не существовало специальныхъ театральныхъ библіотекъ.

Оба они общіе друзья нѣсколькихъ поколѣній александринскихъ актеровъ. Шталъ недавно скончался въ преклонныхъ лѣтахъ. Вспоминая былой Александринскій театръ, я мало говорилъ о Марѣ Гавриловнѣ Савиной, прежде всего потому, что о ней написана дѣлая литература, исчерпаны всѣ восторженные эпитеты, которые называли біографы и критики Савиной.

Савина—это исторія Александринскаго театра за истекшія тридцать пять лѣтъ, исторія, дорогая для насъ, современниковъ, и для русскаго искусства.

Мѣнялись актеры, режиссеры, директора театровъ, драматурги, а Савина до сихъ поръ одна, чудная Савина, которой не коснулась перемѣна ея, такъ сказать, оправы.

Заканчивая клочки воспоминаній о близкомъ мнѣ театрѣ, я извиняюсь, что о многихъ товарищахъ забылъ упомянуть и повторяю, что не руководствовался хронологіей и послѣдовательностью, предоставляя эту кропотливую работу историкамъ.

Я записалъ, что помнилъ, и многое, что пригодится, пожалуй, и для историковъ: мелочи иногда имѣють значеніе, какъ справочный матеріаль. Когда-нибудь еще возвращусь къ Александринскому театру, который принесъ мнѣ въ жизни много радостей

А. Плещеевъ.

